W 49/118

W 49 118

ЛЕФОРТЪ

И

ПОТѢХИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ДО 1689 ГОДА.

Н. Устрялова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1851.

(Изъ Журнала Мин. Нар. Просв., 1851, № 1).

2007110194

XIX 13548

ЛЕФОРТЪ

И ПОТѢХИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ДО 1689 ГОДА (*).

Въ 1683 году видѣлъ Петра, еще отрокомъ, на тронѣ, вмѣстѣ съ братомъ, извѣстный путешественникъ Кемпферъ. Въ пріемной палатѣ, обитой Турецкими коврами, на двухъ серебряныхъ креслахъ, подъ святыми иконами, сидѣли оба Царя въ полномъ царскомъ одѣяніи, сіявшемъ драгоцѣнными каменьями. Старшій братъ, надвинувъ шапку на глаза, съ потупленнымъ взоромъ, никого не видя, сидѣлъ почти неподвижно; младшій смотрѣлъ на всѣхъ съ открытымъ, прелестнымъ лицемъ, на которомъ, при обращеніи къ нему рѣчи, безпрестанно играла кровь юношества. «Дивная красота его»— говоритъ Кемпферъ — «плѣняла всѣхъ предстоявшихъ, а живость его приводила въ замѣшательство степенныхъ сановниковъ Московскихъ». Когда Посланникъ подалъ вѣрющую грамоту и оба Царя должны были встать въ одно время, чтобы спросить о Королевскомъ здоровьи, младшій не далъ времени дядькамъ приподнять себя и брата, какъ требовалось этикетомъ, быстро вскочилъ съ своего мѣста, снялъ

(*) Изъ 1-го тома Исторіи царствованія Петра Великаго.

царскую шапку и бѣгло заговорилъ обычный привѣтъ: «Его Королевское Величество, братъ нашъ Каролусъ Свейскій по здорову ль»? Петру было тогда съ небольшимъ 11 лѣтъ; по Кемпферу онъ показался не менѣе 16 лѣтъ (*).

Вотъ почти все, что сказали современники о юности Петра, до 17-лѣтняго возраста. Даже Гордонъ, нерѣдко видавшій его и тщательно записывавшій, въ своемъ журналѣ, самыя ничтожныя мелочи — съ кѣмъ переписывался, сколько получалъ окладнаго жалованья, у кого обѣдалъ, чѣмъ былъ нездоровъ,— замѣтилъ только, что на 13 году юный Царь заболѣлъ оспою (**), болѣзнію часто тогда смертельною, отъ которой сохранило его однакожь Провидѣніе, — и болѣе ни слова. Чѣмъ занимался Петръ, какъ воспитывали его, какіе люди окружали его, мы можемъ только догадываться изъ послѣдующихъ событій; въ современныхъ сказаніяхъ не находимъ о томъ никакихъ подробностей. Наконецъ онъ самъ заговорилъ о своей юности, раскрылъ свою душу, и незапно, какъ будто изъ непроницаемой мглы, явился предъ взоромъ изумленнаго потомства съ несомнѣнными признаками какой-то великой, хотя еще не совсѣмъ ясной мысли; съ живѣйшею любовію къ Наукѣ и Искусству, во всѣхъ отрасляхъ знанія и ремесла; съ пламенною страстію къ войнѣ, къ битвамъ, къ грому орудій, и что всего удивительнѣе — съ неодолимымъ влеченіемъ къ морю. Боевой огонь былъ его забавою, а море—лю-

(*) Отрывки изъ Дневника Кемпфера въ сочиненіи Аделунга *Баронъ Мейербергъ*, стр. 338.

(**) 22 Января 1684 года.

бимою мечтою. Однимъ словомъ, на величественномъ челѣ Петра, какъ только Исторія озаритъ его яркимъ свѣтомъ, не льзя не замѣтить глубокой думы, уже заронившейся въ душу Великаго Царя, — думы, которой въ послѣдствіи онъ остался вѣренъ до гроба.

Что же дало ему такое направленіе? Какимъ образомъ, при всеобщемъ равнодушіи того времени къ Наукамъ и Искусствамъ, при сонливой дремотѣ ума, который пугался всякой новой идеи, подъ руководствомъ наставниковъ, едва ли далѣе грамоты простиравшихъ свою мудрость, познакомился онъ съ прелестью знанія? Пробудился ли его геній собственною силою, или былъ пробужденъ счастливымъ смертнымъ, котораго Провидѣніе ниспослало ему въ руководители? Вотъ вопросъ любопытный, доселѣ неизслѣдованный и въ высшей степени важный: отъ правильнаго разрѣшенія его зависитъ вѣрность взгляда на всю Исторію Петра.

Съ именемъ Петра потомство привыкло вспоминать Лефорта. И жаркіе приверженцы, и строгіе судьи неумолимаго преобразователя старинныхъ нравовъ и обычаевъ нашихъ, равно утверждаютъ, что Лефортъ пробудилъ въ молодомъ Царѣ, получившемъ самое ограниченное воспитаніе, любовь ко всему великому, прекрасному и полезному, какъ говорятъ одни, или страсть ко всему новому, чужеземному, какъ говорятъ другіе. «Кто первый воспламенилъ въ Петрѣ» — восклицаетъ Бергманъ (*)

(*) Peter der Grosse, als Mensch und Regent. VI. кн. 31. Бергманъ былъ отголоскомъ большей части Историковъ Петровыхъ.

— «юный геній его къ исполинскимъ подвигамъ и неимовѣрной дѣятельности на пользу народовъ, тотъ долженъ занять и первое мѣсто въ ряду мужей, ознаменовавшихъ царствованіе безсмертнаго Монарха». «Къ несчастію»— говоритъ Карамзинъ— «сей Государь, худо воспитанный, окруженный людьми молодыми, узналъ и полюбилъ Женевца Лефорта, который отъ бѣдности заѣхалъ въ Москву, и весьма естественно находя Русскіе обычаи для него странными, говорилъ ему объ нихъ съ презрѣніемъ, а все Европейское возвышалъ до небесъ; вольныя общества Нѣмецкой Слободы, пріятныя для необузданной молодости, довершили Лефортово дѣло, и пылкій Монархъ, съ разгоряченнымъ воображеніемъ увидѣвъ Европу, захотѣлъ сдѣлать Россію Голландіею» (*).

Не взирая на рѣзкую противоположность, оба мнѣнія согласны въ одномъ, въ главномъ,— въ идеѣ о вліяніи Лефорта на развитіе душевныхъ способностей Петра Великаго. Въ какой же степени подтверждаются они свидѣтельствами положительными? Представимъ сначала все, что удалось намъ найти о Лефортѣ въ Государственныхъ Архивахъ и въ сказаніяхъ современниковъ, знавшихъ его лично (1).

Ровно за пять мѣсяцевъ до кончины Царя Алексія Михайловича, 25 Августа 1675 года, пришли съ моря къ Архангельскому городу, во время ярмарки, на Голландскихъ корабляхъ служилые иноземцы: Полковникъ Фанъ-Фростенъ, Подполковникъ Фанъ-

---

(*) Въ рукописи *О Древней и Новой Россіи.* Мнѣніе Карамзина имѣетъ также не мало послѣдователей.

Торнинъ, Маіоръ Шванбергъ, пять Капитановъ, четыре Поручика и два Прапорщика. Въ числѣ Капитановъ былъ *Фрянсъ Лафортъ*. Явившись въ съѣзжую избу къ Двинскому Воеводѣ, Думному Дворянину Ѳедору Полуектовичу Нарышкину, иноземцы сказали, что служили они въ разныхъ земляхъ, были на многихъ бояхъ, а нынѣ пріѣхали служить Великому Государю Россійскому, и просили, давъ имъ кормъ, отправить ихъ въ Москву. Воевода объявилъ, что, безъ Царскаго именнаго указа, отпустить ихъ къ Москвѣ онъ не смѣетъ, разспросилъ каждаго порознь о прежней службѣ и разспросныя рѣчи послалъ въ Москву съ Двинскимъ Стрѣльцомъ Чечеткинымъ; между тѣмъ, до полученія указа, велѣлъ нововыѣзжимъ иноземцамъ побыть въ Архангельскѣ, и, вѣроятно не сомнѣваясь въ царскомъ согласіи, назначилъ имъ кормъ, по прежнимъ примѣрамъ, «неповелику»,— по полтинѣ на день всѣмъ вообще четырнадцати человѣкамъ (*).

Въ разспросныхъ рѣчахъ изъяснили: «Полковникъ Яковъ Фанъ-*Фростенъ* сказался родомъ Прусскія земли изъ города Дансика; служилъ сначала въ Швеціи Капитаномъ, потомъ въ Испаніи и Голландіи Полковникомъ, былъ съ Французами на многихъ бояхъ, въ чемъ данъ ему листъ отъ Испанскаго Короля; въ Россію отправился изъ Голлан-

(*) Донесеніе Воеводы Ѳ. Нарышкина и Дьяка Аѳ. Зыкова отъ 27 Августа 1675 года, въ дѣлѣ Москов. Глав. Архива «О выѣздѣ въ Россію инженерныхъ Офицеровъ Полковника Фанъ-Фростена съ товарищами». (По Высочайшему Повелѣнію, оно передано въ 1835 году въ Военное Министерство).

діи. Полуполковникъ Гаврило Фанъ-*Торнинъ*, родомъ также изъ Дансика, служилъ 18 лѣтъ Польскому Королю Яну Казимиру Капитаномъ, два года Цесарю и въ Голландскихъ войскахъ Полуполковникомъ. Маіоръ Фрянсъ *Шванбергъ*, родомъ изъ Прусскаго города Королевца, 14 лѣтъ былъ Капитаномъ въ Швеціи и Голландіи, и два года въ Испаніи. Капитаны Станиславъ *Тшебяковскій*, Филиппъ *Фонъ-деръ-Фельдъ*, Иванъ *Зингеръ*, Яковъ *Румеръ*, Фрянсъ *Лафортъ*, сказались родомъ также изъ Прусской земли, изъ города Дансика; служили въ Голландіи и Испаніи, были съ Полковникомъ Фанъ-Фростеномъ на многихъ бояхъ противъ Французанъ; изъ Испаніи перешли въ Голландію; оттуда пріѣхали къ Архангельску, служить Великому Государю. Поручики Янъ *Гузъ*, Питеръ *Юшимъ*, Оливеръ *Дергинъ*, Михель *Янсынъ* объявили себя Брабанцами изъ города Брюселя, и были, въ полку Фанъ-Фростена, въ Испаніи на многихъ бояхъ. О двухъ Прапорщикахъ, которые не явились въ съѣзжую избу, оставшись на корабляхъ, для береженія рухляди, Полковникъ сказалъ, что они родомъ изъ Прусскія земли и служили въ его полку (2).

Послѣ отправленія разспросныхъ рѣчей въ Москву, цѣлый мѣсяцъ не получая указа, Воевода снова писалъ въ Посольскій Приказъ, и просилъ разрѣшенія; прошелъ еще мѣсяцъ, а отвѣта не было. Воевода опять отнесся въ Москву, и въ половинѣ Ноября 1676 года получилъ Царскій указъ: «Полковника Фанъ-Фростена съ товарищами выслать за море, а къ Москвѣ не отпускать, и кормъ имъ прекратить; также поступать и съ другими служилыми

нововыѣзжими иностранцами, отправляя ихъ назадъ на тѣхъ же корабляхъ, на которыхъ придутъ (*).

Царскій указъ присланъ на Двину уже по закрытіи судоходства: возвратиться въ Голландію моремъ не было никакой возможности; ждать лѣта и жить въ Архангельскѣ на собственный счетъ не доставало средствъ. Въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, злосчастные иноземцы рѣшились прибѣгнуть къ милосердію Государя и подали на имя Его Двинскому Воеводѣ челобитную слѣдующаго содержанія: «Будучи въ Нѣмецкихъ странахъ, слышали мы, Великій Государь! про твою царскую, славную, неизрѣченную милость къ нашей братьи, служилымъ иноземцамъ, захотѣли мы тебѣ послужить и пріѣхали въ Архангельскъ; но безъ твоего указа къ Москвѣ насъ не отпускаютъ, а корабли ушли за море. Великій Государь! дозволь намъ пріѣхать къ Москвѣ на нашихъ проторяхъ и подводахъ, и если мы на твою службу годимся, вели, Государь, насъ принять; а если не годимся, укажи насъ за Нѣмецкій рубежъ отпустить, чтобы намъ здѣсь, въ Архангельскѣ съ *женишками* и *дѣтишками* голодною смертью не помереть. Царь-Государь! смилуйся» (**).

Въ отвѣтъ на сію челобитную, 16 Декабря 1675 года, послѣдовало царское повелѣніе, присланное на Двину уже по смерти Нарышкина: отпустить иноземцевъ отъ города къ Москвѣ на ихъ харчахъ

(*) Отписки Нарышкина и Зыкова 25 Сентября и 26 Октября 7184; Царскій указъ отъ 25 Октября, и повторевіе его 20 Ноября 7184— въ дѣлѣ о выѣздѣ Фанъ Фростена

(**) Челобитная Фанъ-Фростена съ товарищами въ томъ же дѣлѣ.

и проторяхъ. Они отправились изъ Архангельска 19 Генваря 1676 года (*), были въ дорогѣ около шести недѣль, изъ чего можно заключить, что шли большею частію пѣшкомъ, и добрались до Москвы, когда уже скончался Царь Алексій Михайловичь; болѣе мѣсяца ждали рѣшенія своей участи, наконецъ были представлены Царю Ѳеодору Алексіевичу, цѣловали ему руку (**), но почему-то не понравились юному Государю: дней черезъ пять послѣ смотра, Бояринъ Артемонъ Сергѣевичь Матвѣевъ, «сшедъ съ верху», объявилъ имъ, что они въ царскую службу негодны, и Государь указалъ отпустить ихъ за море въ свою землю; Матвѣевъ присовокупилъ, чтобы они къ отъѣзду были готовы (***).

Не имѣя, вѣроятно, средствъ выѣхать изъ Россіи, Полковникъ Фанъ-Фростенъ и нѣкоторые изъ товарищей его усильно домогались царской службы, доказывали свои свѣдѣнія въ инженерныхъ Наукахъ, свидѣтельствовали предъ Боярами о своемъ умѣньи строить крѣпости, брать непріятельскіе города, и достигли своей цѣли: сначала приняты въ Русскую службу Фанъ-Фростенъ, Фанъ-Торнинъ и Фанъ-Шванбергъ Инженерами по вѣдомству Пушкарскаго Приказа, — первый Полковникомъ, послѣдніе оба

(*) Отписка Дьяка Ав. Зыкова, который управлялъ Двинскою Областью до пріѣзда новаго Воеводы. Нарышкинъ умеръ 13 Декабря 1675 года. Двинскій Лѣтописецъ въ Древ. Россійс. Вив. XVIII. 41.

(**) 30 Марта Дѣло о выѣздахъ иноземцевъ 1676 года № 2, въ Московскомъ Главномъ Архивѣ.

(***) Докладная выписка Посольскаго Приказа 4 Апрѣля 184 года, въ дѣлѣ о выѣздѣ Фанъ-Фростена съ товарищами.

Подполковниками (3). Слѣдуя примѣру ихъ, просились Фонъ-деръ-Фельдъ, Румеръ, Зингеръ, и также приняты — Капитанами (*). Прочіе товарищи Фанъ-Фростена отправились въ свою землю, за исключеніемъ одного Лефорта: онъ службы не искалъ, за море не поѣхалъ и остался въ Москвѣ.

Наши Историки находятъ его, вскорѣ по пріѣздѣ въ Россію, при знаменитой оборонѣ Чигрина въ 1677 году, въ числѣ храбрѣйшихъ ратоборцевъ, Капитаномъ царской службы; пишутъ, что «онъ явилъ опыты искусства своего въ ратномъ дѣлѣ и личной храбрости въ Бужинской битвѣ, на которой сынъ Хана Крымскаго, восемь Мурзъ и десять тысячъ Татаръ пали подъ ударами нашихъ воиновъ. Ратные подвиги Лефорта остались однакожь безъ всякой награды. При вторичной осадѣ Чигрина Турецко-Татарскимъ войскомъ въ 1678 году, въ разныхъ битвахъ, онъ обратилъ на себя, отличнымъ мужествомъ, вниманіе Рамодановскаго; но и въ этотъ разъ оказанная имъ неустрашимость не принесла ему никакой пользы» (**). Угадываютъ даже мысли, которыя занимали его во время Чигринскихъ походовъ: «онъ видѣлъ безполезность службы своей въ нестройныхъ дружинахъ Русскихъ и рѣшился оставить Россію, намѣреваясь уѣхать въ Англію» (***).

(*) Царскій указъ объ нихъ объявленъ Боярином Матвѣевымъ 12 Іюня 1676 г. Они служили, впрочемъ, недолго: въ 1678 году ихъ уже не было въ Россіи.

(**) Бантышъ-Каменскій въ Словарѣ достоп. людей 1847. II. 271—272.

(***) Полевой въ Обозрѣніи Рус. Ист. 139.

Не то говорятъ подлинные, несомнительные документы: давно миновалъ первый Чигринскій походъ, къ концу приходилъ и второй, когда Лефортъ явился въ Иноземскій Приказъ съ челобитною о принятіи его въ Царскую службу, по примѣру Полковника Фанъ-Фростена и другихъ иноземцевъ, выѣхавшихъ съ нимъ въ Россію за два съ половиною года предъ тѣмъ, на имя Царя Алексія Михайловича. Государь повелѣлъ выписать въ докладъ: иностранецъ Францъ Лефортъ въ которомъ году, откуда, какимъ чиномъ выѣхалъ, записанъ ли въ Посольскомъ Приказѣ, дано ль ему жалованье, или велѣно отпустить его въ свою землю (*)? По справкѣ оказалось, что съ Полковникомъ Фанъ-Фростеномъ, вмѣстѣ съ другими 13 иностранцами, выѣхалъ Капитанъ Прусской земли Лефортъ, что одни изъ товарищей его отосланы въ Пушкарскій Приказъ для инженернаго мастерства, а другіе отправились въ свою землю; Капитану же Францу Лефорту отпуска съ Москвы не сыскано (**). Спросили его самого: гдѣ же онъ былъ и что дѣлалъ въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ? Лефортъ показалъ: «какъ-де его братья отпущены въ свою землю, а иные посланы въ Иноземскій Приказъ, въ тѣ-де времена лежалъ онъ боленъ, и для того-де Великому Государю въ службу, также и объ отпускѣ за море челобитья его не бывало; а обмогся-де онъ въ нынѣшнемъ

(*) Царскій указъ 24 Іюля 7186 (1678) Боярину Ивану Михайловичу Милославскому, управлявшему Иноземскимъ Приказомъ.

(**) Докладная выписка Посольскаго Приказа, сообщенная Боярину Милославскому.

году, и въ Иноземскомъ Приказѣ подалъ о пріемѣ Великаго Государя въ службу челобитную, и въ службу-де принять его велѣно, и для того о выѣздѣ его въ Посольскій Приказъ память и прислана. Да онъ же-де на Москвѣ въ Нѣмецкой Слободѣ женился Генерала-Маера на Филиппіусовѣ племянницѣ фонъ Буковена; а въ свою-де землю за море ѣхать не хочетъ» (*).

Такимъ образомъ, не участвуя ни въ первомъ, ни во второмъ Чигиринскомъ походѣ, Лефортъ жилъ въ Москвѣ безъ дѣла и, кажется, безъ денегъ, по свидѣтельству Историка безпристрастнаго (**), на счетъ Голландскихъ купцевъ, которые полюбили его за разгульный характеръ и за блистательный умъ въ дружеской бесѣдѣ. Между тѣмъ онъ ухаживалъ за племянницею Генерала Букговена, за молодою и прекрасною дѣвицею, единственною дочерью богатой вдовы Подполковника Со-ге, Елисаветою. Мать не соглашалась на бракъ. Дочь, плѣненная красивою наружностію высокаго, статнаго двадцатипятилѣтняго (***) мужчины, еще болѣе очарованная его веселымъ нравомъ и добрымъ сердцемъ, влюбилась въ него безъ памяти и тайно отдала ему свою руку. Матери ничего не оставалось, какъ простить ихъ, и

(*) Слово въ слово изъ объясненія, даннаго Лефортомъ 10 Августа 1678 года въ Посольскомъ Приказѣ, за собственноручною подписью его: Franis Lefort. 12 Августа того же года Русское войско оставило Чигринъ, взорвавъ его укрѣпленія, и въ слѣдъ за тѣмъ прекратились военныя дѣйствія.

(**) Александра Гордона, знавшаго Лефорта лично, въ его The History of Peter the Great. Aberdeen, 1755. II. 134.

(***) Онъ умеръ лѣтъ 46, въ 1698 году, какъ свидѣтельствуетъ Ал. Гордонъ.

Лефортъ, вѣроятно по убѣжденію и при содѣйствіи женниой родни, извѣстной Государю заслугами Гордона, Филиппа и Корнелія Фонъ-Букговена, нашелъ возможность поступить въ Русскую службу. Царь Ѳеодоръ Алексіевичь приказалъ принять его Капитаномъ, въ какой впрочемъ полкъ — неизвѣстно (4).

Вскорѣ послѣ того онъ посланъ на дѣйствительную службу въ Кіевъ, подъ начальство Генерала Гордона. Тамъ онъ могъ участвовать въ незначительныхъ поискахъ противъ Крымскихъ Татаръ, нападавшихъ на нашу Украйну до заключенія Бахчисарайскаго перемирія; по крайней мѣрѣ о мужествѣ его въ бояхъ свидѣтельствуетъ Гордонъ въ проѣзжей грамотѣ, данной ему въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1681 года для свободнаго выѣзда изъ Россіи, за наслѣдствомъ, по случаю смерти отца, умершаго въ Цесарской службѣ (*). Гордонъ пишетъ, что Капитанъ Лефортъ въ службѣ его Царскаго Величества былъ въ разныхъ походахъ и на многихъ бояхъ (если только эти слова не обычная оффиціальная фраза). Изъ Кіева отправился Лефортъ на родину свою, *въ Женеву*. До сихъ поръ считали его у насъ урожепцемъ Прусскія земли изъ города Данцика; такъ числился онъ во всѣхъ актахъ между выѣзжими иноземцами, въ слѣдствіе его собственнаго показанія; такъ поименованъ онъ и въ царской грамотѣ по случаю отпуска его въ *свою землю*. Державцы Женевской Республики изумились, увидѣвъ, что земляка ихъ считали въ Москвѣ Пруссакомъ, и отпу-

(*) Сношенія Россіи съ Женевскою Республикою, въ Московск. Глав. Архивѣ.

ская его обратно въ Россію, писали къ нашему Двору, что Францъ Лефортъ, получившій отъ Россійскаго Государя Капитанскій чинъ на полтараста человѣкъ ратныхъ людей, есть гражданинъ Женевской Республики, изъ благороднаго колѣна Лефортовъ; что дѣдъ его Исаакъ Лефортъ былъ Бургомистромъ города Женевы, а братъ Амадей Лефортъ, послѣ многихъ почетныхъ посольствъ, также достигъ сана Бургомистра; мать же его Францѣска Лекція была дочь Бургомистра и градскихъ законовъ Исправителя Якова Лекція (*). Не взирая на такое удостовѣреніе, предъявленное Лефортомъ по пріѣздѣ въ Москву, по прежнему отмѣтили его въ Посольскомъ Приказѣ *Прусскія земли Капитаномъ*, и уже въ послѣдствіи признали урожепцемъ Женевы.

Онъ возвратился на царскую службу 23 Октября 1682 года, когда на престолѣ были братья Ѳеодора, Іоаннъ и Петръ, и весь Дворъ находился въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ, не рѣшаясь ѣхать въ Москву, изъ опасенія Стрѣльцовъ, взволнованныхъ казнію Хованскаго. Въ какой полкъ зачислили его, неизвѣстно; но года черезъ три онъ произведенъ въ Подполковники, а чрезъ два года послѣ того былъ уже Полковникомъ (**), и участвовалъ во второмъ

(*) Проѣзжая грамота Державцевъ Женевской Республики въ дѣлахъ Москов. Глав. Архива. Замѣчательно, что объ отцѣ Лефорта въ грамотѣ нѣтъ ни слова.

(**) Гордонъ пишетъ: 6 Генваря 1686 года: J dined by L. Co-ll Le Fort; 25 Генваря того же года: Dyned by M-r Wolffe, stoad Godfater to L-t C-ll le Forts Child Daniell. 11 Февраля 1688: At the buryall of Co-ll le Forts child; 15 Сентября того же года: J dined at Colonell le Forts.

Крымскомъ походѣ, командуя Елецкимъ солдатскимъ полкомъ въ 2000 человѣкъ, въ разрядѣ Окольничаго Венедикта Андреевича Змѣева, бывшаго товарищемъ Главнокомандующаго (*).

Быстрое производство его въ Полковники было слѣдствіемъ ходатайства Женевскаго Сената предъ Княземъ В. В. Голицынымъ. Имѣя въ Женевѣ сильнаго родственника, Лефортъ написалъ къ Сенату отъ 1 Октября 1686 года учтивое письмо, въ которомъ искусно изъяснивъ чувства безпредѣльной и неизмѣнной преданности къ своей отчизнѣ, убѣдительно просилъ прислать отъ имени Женевской Республики рекомендательное письмо объ немъ къ «первымъ Министрамъ Московскаго Двора Князьямъ Голицынымъ» (Князю Василію Васильевичу и сыну его Алексѣю Васильевичу). «Вамъ это ничего не будетъ стоить»— писалъ Лефортъ— «а мнѣ ваше ходатайство послужитъ въ великую пользу» (**). Тщеславный временщикъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что Женевская Республика прямо обратилась къ нему съ просьбою за своего соотечественника, произвелъ Лефорта въ Полковники и, увѣдомивъ о томъ, въ Мартѣ мѣсяцѣ 1688 года, Державцевъ Женевскихъ, присовокупилъ, что гражданинъ ихъ Лефортъ повышенъ въ званіе Полковника пѣхотнаго строю за свои заслуги, что любовь къ нему Князя неотмѣнна и что если самъ онъ не отмѣненъ въ ней пребу-

(*) Перечневый списокъ Генераламъ и Полковникамъ, которымъ велѣно быть на службѣ въ 197 году, въ Разрядномъ Архивѣ Московскаго стола книга 143.

(**) Собственноручное письмо его хранится въ Женевѣ, въ фамильномъ Архивѣ, у тамошняго адвоката Лефорта.

детъ, то и бо́льшую милость узритъ (*). Эта переписка удостовѣряетъ, какъ усердно хлопоталъ Лефортъ о благоволеніи Князя Голицына; да и весьма естественно, что бездомный Капитанъ, пріѣхавшій въ Россію искать счастія, старался обратить на себя милостивое вниманіе временщика, отъ котораго все зависѣло, предъ которымъ все трепетало, и по примѣру Гордона держался стороны Софіи, до послѣднихъ минутъ ея владычества.

По крайней мѣрѣ, нѣтъ никакого положительнаго свидѣтельства, чтобы Лефортъ уже въ правленіе Софіи пользовался довѣренностію Петра, бесѣдовалъ съ нимъ въ уединенномъ селѣ Преображенскомъ о нравахъ и обычаяхъ другихъ народовъ, пробуждалъ въ немъ любовь къ знанію, страсть ко всему иноземному, твердилъ о грубомъ невѣжествѣ Русскихъ, доказывалъ необходимость образованія для Государя и народа, и своими уроками направилъ его къ той цѣли, къ которой онъ въ послѣдствіи, во всю жизнь свою, стремился такъ неуклонно и постоянно. Все, что разсказываютъ позднѣйшіе Историки о началѣ привязанности Петра къ Лефорту, задолго до паденія Софіи, опровергается актами несомнительными. Обыкновенно говорятъ, что Петръ узналъ и полюбилъ его еще десятилѣтнимъ отрокомъ, когда Лефортъ, возвратившись изъ Женевы, явился при Царскомъ Дворѣ Переводчикомъ при Датскомъ Посланникѣ Горнѣ, и своею привлекательною наружностію, ловкостію, совершен-

(*) Дѣло Москов. Глав. Архива о сношеніяхъ съ Женевскою Республикою.

нымъ знаніемъ Русскаго языка изумилъ юнаго Царя (*). Датскій Посланникъ Горнъ дѣйствительно представлялся обоимъ Государямъ въ Троицкомъ монастырѣ въ Сентябрѣ 1682 года; по должность Переводчика при немъ исправлялъ Леонтій Гроссъ (**), а Лефорта въ то время не было и въ Россіи: не прежде, какъ чрезъ мѣсяцъ послѣ того онъ возвратился въ Москву изъ-за границы (***). Другіе разсказываютъ, что онъ сблизился съ Петромъ при содѣйствіи друга своего Генералъ-Маіора Менезіуса, который, бывъ избранъ въ воспитатели Петра еще Царемъ Алексіемъ Михайловичемъ, по смерти какого-то Самуила Ерика, поручилъ Лефорту преподаваніе Голландскаго языка. Единственное указаніе, что Менезіусъ воспитывалъ Петра съ самаго дѣтства, мы находимъ у писателя современнаго, но въ высшей степени легкомысленнаго,—у Француза Нёвиля, который до невѣроятности путалъ событія, коверкалъ имена (****); извѣстіе его не подтверждается никакимъ достовѣрнымъ свидѣтельствомъ и болѣе чѣмъ сомнительно: не въ древнемъ обычаѣ было поручать воспитаніе Царевичей иноземцамъ; тѣмъ менѣе могъ Царь Алексій назначить Менезіуса къ своему сыну, не достигшему и четырехлѣтняго возраста, когда ему нужны были еще не учители, а няньки. Притомъ же Нёвиль ни слова не говоритъ,

---

(*) Басвиль, за нимъ Голиковъ, Бергманъ, Бантышъ-Каменскій, Полевой и другіе.

(**) Датскія дѣла въ Главномъ Архивѣ.

(***) Проѣзжую грамоту свою онъ предъявилъ въ Посольскомъ Приказѣ 23 Октября 1682 года.

(****) Relation curieuse p. 9.

чтобы Лефортъ введенъ былъ своимъ другомъ ко Двору Петра преподавателемъ Голландскаго языка, даже ни разу не упоминаетъ его имени. А мнимый Самуилъ Ерикъ, который будто бы находился при Петрѣ еще прежде Менезіуса, есть ни что иное, какъ смѣшное недоразумѣніе нашихъ писателей позднѣйшихъ (5).

Но самымъ разительнымъ доказательствомъ, что Лефортъ при Царевнѣ Софіи не былъ близокъ къ Петру и что душевныя способности Великаго Царя не подъ его вліяніемъ начали развиваться и усвоивать свое особенное направленіе, — служитъ фактъ несомнительный, неизвѣстный ни одному изъ Петровыхъ Историковъ и разливающій новый яркій свѣтъ на тогдашнее положеніе дѣлъ. Въ Государственномъ Архивѣ, между кабинетными бумагами времени Петра (*), хранится собственноручно писанное имъ въ 1719 году «Историческое извѣстіе о началѣ морскаго дѣла въ Россіи». Вѣщеносный Историкъ разсказываетъ любопытное обстоятельство, которое предшествовало основанію Флота. Приводимъ слова его съ дипломатическою точностію:

«Предъ посылкою К. Якова Долгорукова во Францію (**), между другими разговоры, сказывалъ вышепомянутый К. Яковъ, что у него былъ такой инструментъ, которымъ мочно было брать дистанціи или разстоянія, не доходя до того мѣста. Я

(*) Отдѣленіе 1. книга 38.

(**) К. Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій отправился Посломъ во Францію и Испанію 27 Февраля 1687 года, когда Петру было 14 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ. Возвратился въ Москву 15 Мая 1688.

зѣло желалъ его видѣть; но онъ мнѣ сказалъ, что его у него украли; и когда поѣхалъ онъ во Францію, тогда наказалъ я ему купить межлу другими вещьми и сей инструментъ, и когда возвратился онъ изъ Франціи и привезъ, то я получа оный не умѣлъ его употреблять: (А инструменты были астролябія да кокоръ (*) или готовальня съ циркулями и прочимъ). Но потомъ объявилъ его дохтуру Захару фонъ деръ-Гулстлу (**), что не знаетъ ли онъ? который сказалъ, что онъ не знаетъ, но сыщетъ такого, кто знаетъ; о чемъ я съ великою охотою велѣлъ его искать, и оный дохторъ въ скоромъ времени сыскалъ Голландца, именемъ Франца, прозваніемъ Тиммермана, которому я выше писанные инструменты показалъ, который, увидѣвъ, сказалъ тѣжъ слова, что Князь Яковъ говорилъ о нихъ, и что онъ употреблять ихъ умѣетъ; къ чему я гораздо присталъ съ охотою учиться Геометріи и Фортификаціи. И тако сей Францъ, чрезъ сей случай, сталъ при Дворѣ быть безпрестанно и въ компаніяхъ съ нами».

Сохранились и учебныя тетради Петра (***), когда онъ, подъ руководствомъ Тиммермана, изучалъ

(*) По Голландски Koker— готовальня.

(**) Zacharias von der Hulst по бумагамъ Медицинской Конторы упоминается въ 1696 году, когда ему велѣно съ Докторомъ Блументростомъ экзаменовать аптекаря Госсенія. Умеръ 1 Іюня 1694 года, во время втораго похода Петра къ Бѣлому Морю, въ Архангельскѣ, незапно of a interiour Epilepsy or suffocation, говоритъ Гордонъ.

(***) Кабинетныя дѣла въ Г. сударст. Архивѣ Отдѣленіе I. кн. 53.

Ариѳметику, Геометрію, Фортификацію, Артиллерію, тетради, писанныя рукою нетвердою, очевидно непривычною, безъ всякаго соблюденія правилъ тогдашняго правописанія, часто безъ отдѣленія одной рѣчи отъ другой, съ безпрестаннымъ повтореніемъ буквы ъ въ срединѣ словъ (*), со множествомъ описокъ, недописокъ и всякаго рода ошибокъ.

Свидѣтельствуя съ одной стороны, какъ было небрежно воспитаніе Петра, который на 16 году возраста едва умѣлъ выводить, съ очевиднымъ трудомъ, буквы, онѣ съ другой стороны удостовѣряютъ, съ какимъ жаромъ, съ какою понятливостію принялся онъ за Науки и какъ быстро переходилъ отъ первыхъ началъ Ариѳметики до труднѣйшихъ задачъ Геометріи. Тиммерманъ былъ Математикъ далеко не первоклассный: онъ ошибался даже въ простомъ сложеніи; но Державный ученикъ, выслушавъ первыя четыре правила Ариѳметики, подъ названіями едва для него понятными— адиціо, субстракціо, мултипликаціо, дивизіо (**),—тотчасъ сообразилъ въ чемъ дѣло, самъ своею рукою безошибочно и отчетливо изложилъ всѣ четыре правила, пояснилъ ихъ примѣрами, привелъ способы повѣрки, разобралъ путаницу съ *онами* или нулями, безъ труда попялъ именованныя числа, и перешелъ къ высшимъ частямъ Математики: скоро достигъ, судя по его почерку, до многосложной теоріи астролябіи, въ нѣсколькихъ словахъ показалъ, какъ можно ею «со-

---

(*) Наприм. въсякимъ, верхъней, съмотри, сътърелять.

(**) Или какъ писалъ ихъ Петръ: Одицыя, Сунъстракъція, Мультупъликація.

брать» или измѣрить поле, изучилъ подробности сооруженія крѣпостей, затвердилъ всѣ иностранные термины Фортификаціи, вычислилъ размѣры орудій и опредѣлилъ, при какихъ условіяхъ, въ какомъ разстояніи, можетъ пасть на данную точку бомба.

При историческихъ разысканіяхъ рѣдко случается встрѣтить современный памятникъ, въ которомъ такъ внятно говорилъ бы непритворный голосъ истины, такъ ярко обрисовывалось бы положеніе дѣлъ, какъ въ приведенномъ разсказѣ Петра объ астролябіи. Вы видите четырнадцатилѣтняго отрока, едва знакомаго съ одною грамотою, окруженнаго холоднымъ равнодушіемъ къ Наукѣ, но томимаго жаждою знанія. Тревожимый непостижимымъ для него чувствомъ міра лучшаго, онъ тщетно разспрашиваетъ своихъ царедворцевъ о томъ, чего ни самъ онъ, ни они не вѣдаютъ, но что уже угадываетъ его геній. Никто не въ состояніи удовлетворить его пытливой любознательности: не каждому изъ его царедворцевъ понятна даже грамота; они могутъ тѣшить его любопытство только сказками. Но вотъ узнаетъ онъ вещь чудную: Князь Яковъ Ѳедоровичь, знаменитый въ послѣдствіи болѣе своимъ прямодушіемъ и здравомысліемъ, чѣмъ образованіемъ, откланиваясь молодому Царю, предъ отъѣздомъ въ путь далекій, во Францію, спрашиваетъ, какой привезти ему гостинецъ? Очень можетъ статься, что Петръ, любившій измлада механическія занятія, желалъ имѣть какой-нибудь инструментъ. Тутъ вспомнилъ и разсказалъ ему Князь Долгорукій объ астролябіи, которую, вѣроятно, подарилъ ему какой-нибудь заѣзжій Нѣмецъ, какъ игрушку. Онъ не умѣетъ

назвать ее, но знаетъ, что ею можно измѣрять разстоянія, не двигаясь съ мѣста. Державный отрокъ трепещетъ: изумленный, обрадованный, онъ хочетъ немедленно видѣть дивный инструментъ, и можно вообразить его горесть, когда Князь говоритъ ему равнодушно, что инструментъ у него пропалъ, вѣроятно брошенный, какъ вещь безполезная. Но искра вспыхнула: Петръ непремѣнно хочетъ имѣть драгоцѣнный инструментъ, думаетъ, мечтаетъ объ немъ, убѣдительно проситъ Князя Якова Ѳедоровича не забыть привезть его изъ Франціи, получаетъ, и новое горе! При Дворѣ нѣтъ никого, кто бы зналъ употребленіе не только астролябіи, но даже циркуля! Онъ разспрашиваетъ каждаго; никто не въ силахъ помочь ему; самъ дохтуръ, на котораго болѣе другихъ было надежды, какъ на мудреца заморскаго, не можетъ сладить съ астролябіею. Для чего же бы не обратиться Царю къ Лефорту? Петръ не говоритъ объ немъ *ни слова*. Не ясно ли свидѣтельствуетъ это молчаніе, столь многозначительное въ настоящемъ случаѣ, что Лефорта при немъ не было и что слѣдовательно на первоначальное развитіе душевныхъ способностей его, на его думы, планы, занятія, по крайней мѣрѣ до 17-лѣтняго возраста, прославленный Женевецъ не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія?

Ни слова не упоминаютъ о томъ и современники, лично знавшіе Лефорта; напротивъ того, они говорятъ почти единогласно, что сей счастливецъ не имѣлъ никакихъ познаній въ военномъ искусствѣ ни на морѣ, ни на сушѣ, и обязанъ всѣми почестями, самомъ Адмирала, званіемъ Новгородскаго На-

мѣстника, честью великаго Посла, единственно благоволенію Царя, который любилъ его, какъ друга. Молву о дѣятельномъ участіи Лефорта въ настроеніи Петра съ отроческихъ лѣтъ ко всему, что его въ послѣдствіи прославило, распустили позднѣйшіе компиляторы, которые, перепутавъ событія, лица, годы, не понявъ отрывистыхъ замѣтокъ современныхъ сказаній и вообразивъ, что дружба Петра къ Лефорту могла быть только слѣдствіемъ привязанности ученика къ своему наставнику, разгласили въ потомствѣ о рѣдкихъ достоинствахъ ума и сердца, отличавшихъ предъ всѣми знаменитаго Женевца, о его воинской опытности, о его любви къ Наукамъ, о государственной прозорливости и дѣятельности. Они выставили Лефорта какимъ-то Ментором, а Петра чуть не Телемакомъ (6).

Предугадываемъ вопросы: когда же они сблизились? За что Царь такъ нѣжно полюбилъ малосвѣдущаго иноземца? Отъ чего такъ горько плакалъ надъ его бездыханнымъ трупомъ, называя его своимъ единственнымъ, незамѣнимымъ другомъ? И зачѣмъ наконецъ такъ долго тосковалъ по его кончинѣ? Первый главный вопросъ разрѣшается сказаніемъ современника, безпристрастнаго и пытливаго, имѣвшаго всѣ средства собрать въ Москвѣ свѣжія преданія, видѣвшаго Лефорта на высшей степени почестей, видѣвшаго и погребеніе его, Секретаря Цесарскаго Посольства Корба. Съ нимъ согласны и другіе современные Писатели, въ главномъ фактѣ, ошибаясь только въ лѣтосчисленіи и событіяхъ, которыя они перемѣшали. Корбъ свидѣтельствуетъ, что по открытіи ужасныхъ замысловъ Царевны Софіи,

поднявшей преступную руку на державнаго брата, когда Петръ удалился въ Троицкій монастырь и не безъ трепета могъ видѣть около себя немногихъ приверженцевъ: среди общаго колебанія и недоумѣнія Двора, войска, народа, Лефортъ одинъ изъ первыхъ отсталъ отъ Царевны и явился въ Лавру, готовый пожертвовать жизнію за Царя (7). Легко вообразить, съ какою признательностію встрѣтилъ его Государь, умѣвшій цѣнить и не такія заслуги. Личныя достоинства Лефорта довершили остальное: признательность Царя обратилась въ дружбу, когда онъ узналъ ближе благороднаго Женевца: Петръ полюбилъ его за беззаботную веселость, столь плѣнительную послѣ тяжкихъ трудовъ, за природную остроту ума, доброе сердце, ловкость, смѣлость, а болѣе всего за откровенную правдивость и рѣдкое въ то время безкорыстіе, добродѣтели великія въ глазахъ Монарха, ненавидѣвшаго криводушіе и себялюбіе (8). Долго помнилъ онъ Лефорта и по смерти его, тоскуя по немъ, какъ по веселомъ товарищѣ пріятельскихъ бесѣдъ, незамѣнимомъ въ искусствѣ устроить пиръ на славу. Вотъ истинный смыслъ письма Петра Великаго чрезъ 9 лѣтъ по кончинѣ Лефорта, когда, отпраздновавъ именины новаго любимца, онъ писалъ къ Князю Меншикову: «День вашего тезоименитства такъ веселились, что истинно по смерти Г. Лефорта до сего дни такого не было веселаго дня и уже въ третьемъ часу легли спать» (*). Мысль наша о значеніи Лефорта въ Исторіи Петра подтвердится въ послѣдствіи многими подробностями

(*) Письмо къ Кн. Меншикову, 30 Августа 1707.

самыхъ событій. Здѣсь мы разбираемъ только вопросъ, какое имѣлъ онъ вліяніе на первоначальное развитіе душевныхъ способностей юнаго Царя, и кажется имѣемъ право сказать, вопреки общему мнѣнію, что напрасно одни прославляютъ, другіе винятъ его за данное имъ направленіе Петру: Царь сблизился и подружился съ нимъ не прежде 17-лѣтняго возраста, когда, несомнительно, душа его уже горѣла жаждою знанія, а воображеніе рисовало фортеціи, корабли, битвы на морѣ и на сушѣ.

Отъ молодыхъ ногтей, по словамъ современника (*), страстно любя ратное дѣло, Петръ уже въ отроческіе годы, съ своими сверстниками, съ товарищами дѣтскихъ игръ, въ тѣнистыхъ рощахъ села Преображенскаго, проводилъ цѣлые дни въ воинскихъ забавахъ, учился съ ними солдатскому строю; сооружалъ земляныя крѣпостцы и бралъ ихъ штурмомъ. Юные сподвижники его получили названіе *потѣшныхъ*. Кто руководствовалъ его первыми потѣхами, мы не знаемъ; да едва ли и былъ кто, потому, что онѣ служили ему только забавою: достаточно было одного надзора дядекъ. Неизвѣстны также и первые товарищи его дѣтскихъ игръ, за исключеніемъ двухъ — Екима Воронина и Григорья Лукина: оба они, по достовѣрному свидѣтельству, воспитывались вмѣстѣ съ Государемъ и въ послѣдствіи положили свои головы подъ стѣнами Азова (**). Впрочемъ, по всей вѣроятности, первоначальное число

(*) Матвѣева.

(**) Гордонъ 28 Сентября 1695: they being both bred up with him.

потѣшныхъ было незначительно, ограничиваясь одними сверстниками Государя, до 1682 года, или до 1683, когда вызвались поступить въ составъ ихъ охотники разнаго званія, едва ли не по тайному приглашенію самого Царя: прежде всѣхъ явился къ нему двадцати-пяти-лѣтній, здоровый и плечистый придворный конюхъ, Сергѣй Бухвостовъ, съ просьбою записать его въ потѣшные; Государь съ радостію принялъ его, и съ тѣхъ поръ онъ числился первымъ Русскимъ солдатомъ въ спискахъ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка. Около того же времени записаны въ потѣшные солдаты Данило Новицкій и Лука Хабаровъ. Были вѣроятно и другіе охотники, кромѣ этихъ лицъ; именъ ихъ однакожъ мы не знаемъ. По рѣшительное учрежденіе потѣшнаго войска, подъ именемъ двухъ солдатскихъ полковъ Преображенскаго и Семеновскаго, названныхъ такъ по двумъ Подмосковнымъ селамъ, относится къ пятнадцатилѣтнему возрасту Петра, къ 1687 году, когда, Великимъ Постомъ, въ селѣ Преображенскомъ явно кликнули кличъ къ охочимъ людямъ, и явилось много желающихъ, преимущественно изъ конюшеннаго вѣдомства, также изъ знатныхъ фамилій: въ числѣ послѣднихъ достовѣрно извѣстны Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ и Князь Михайло Михайловичъ Голицынъ, за малолѣтствомъ поступившій «въ барабанную науку». Вотъ время *дѣйствительнаго* начала обоихъ полковъ: еще не имѣли они славнаго названія Царской гвардіи, но уже существовали на дѣлѣ, и село Преображенское приняло видъ воинскаго стана. На берегу Яузы сооружена, умомъ и трудами самого Царя, при содѣйствіи его товари-

щей, земляная крѣпость Пресбургъ; съ раскатовъ ея грянулъ громъ орудій; Петръ взялъ къ себѣ всѣхъ барабанщиковъ и флейщиковъ Бутырскаго полка, къ великому неудовольствію Князя В. В. Голицына, перевелъ въ Преображенское большую часть Стрѣльцовъ Сухарева полка, забралъ изъ Конюшеннаго Приказа упряжъ подъ свою артиллерію, и потѣхи его приняли такой видъ, что Софія затрепетала: съ досадою смотрѣла она на доблестныхъ товарищей брата и не иначе называла ихъ, какъ озорниками и конюхами. «Въ глазахъ моихъ они людей рѣжутъ» — говорила Царевна Стрѣльцамъ — «весь Конюшенный Приказъ растащили». Къ величайшему сожалѣнію, современники вовсе не оставили никакихъ замѣтокъ о первоначальномъ устройствѣ потѣшнаго войска, какъ раздѣлялось оно на роты, какіе были *начальные* люди, откуда бралъ Петръ пушки и порохъ? Достовѣрно только то, что, вопреки общему мнѣнію, Лефортъ не былъ ни Капитаномъ, ни Полковникомъ потѣшнаго войска; даже не числился ни въ первоначальномъ составѣ его, ни въ послѣдствіи, въ Преображенскомъ полку. Первымъ Полковникомъ его былъ Юрій Фонъ-Менгденъ, а Маіоромъ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ (9).

Между тѣмъ случайное обстоятельство пробудило въ Петрѣ охоту къ забавамъ инаго рода: эта вторая потѣха была началомъ Русскаго флота. Къ счастію, сохранился для потомства разсказъ самого Царя, какимъ образомъ, безъ всякаго постороннаго вліянія, родилась въ душѣ его страсть къ кораблестроенію и мореплаванію. Вотъ слова его (*):

(*) Писано въ 1719 году. См. Кабинет. дѣла, отдѣл. I. кн. 38.

«Нѣсколько времени спустя (по возвращеніи Князя Долгорукаго изъ Франціи съ астролябіею, въ Маѣ мѣсяцѣ 1688 года), случилось намъ быть въ Измайловѣ (*) на льняномъ дворѣ, и гуляя по амбарамъ, гдѣ лежали остатки вещей дому дѣда, Никиты Ивановича Романова (**), между которыми увидѣлъ я судно иностранное, спросилъ вышерѣченнаго Француа (Тиммермана), что то за судно? Онъ сказалъ, что то ботъ Англійскій. Я спросилъ: гдѣ его употребляютъ? Онъ сказалъ, что при корабляхъ, для ѣзды и возки. Я паки спросилъ: какое препмущество имѣетъ предъ нашими судами (понеже видѣлъ его образомъ и крѣпостью лучше нашихъ)? Онъ мнѣ сказалъ, что онъ ходитъ на парусахъ не только что по вѣтру, но и противъ вѣтру; которое слово меня въ великое удивленіе привело и якобы неимовѣрно. Потомъ я его паки спросилъ: есть ли такой человѣкъ, который бы его починилъ и сей ходъ мнѣ показалъ? Онъ сказалъ мнѣ, что есть. То я съ великою радостію сіе услыша, велѣлъ его сыскать. И вышерѣченный Францъ сыскалъ Голландца Карштенъ Бранта, который призванъ при отцѣ моемъ въ компаніи морскихъ людей, для дѣланія морскихъ судовъ на Каспійское море, который оный ботъ починилъ и сдѣлалъ маштъ и парусы, и на Яузѣ при мнѣ лавировалъ, что мнѣ паче удивительно и зѣло любо стало. Потомъ, когда я часто то употреблялъ съ нимъ, и

(*) Царское село въ 7 верстахъ отъ Москвы, по Владимірской дорогѣ.

(**) Двоюродный братъ Царя Михаила; скончался 1634.

ботъ не всегда хорошо ворочался, но болѣе упирался въ берега, я спросилъ: для чего такъ? Онъ сказалъ, что узка вода. Тогда я перевезъ его на Просяной прудъ, но и тамъ не много авантажу сыскалъ, а охота стала отъ часу быть болѣе. Того для я сталъ провѣдывать, гдѣ болѣе воды; то мнѣ объявили Переяславское озеро, яко наибольшее, куды я, подъ образомъ обѣщанія въ Троицкій монастырь, у матери выпросился; а потомъ уже сталъ ее просить и явно, чтобы тамъ дворъ и суды сдѣлать. И такъ вышерѣченный Карштенъ Брантъ сдѣлалъ два малые фрегата и три яхты. И тамъ нѣсколько лѣтъ охоту свою исполнялъ. Но потомъ и то показалось мало; то ѣздилъ на Кубенское озеро; но оное ради мелкости не показалось. Того ради уже положилъ свое намѣреніе прямо видѣть море»...

Много было въ жизни Петра минутъ свѣтлыхъ и прекрасныхъ, ознаменованныхъ творческою силою его генія; но та минута, когда онъ, шестнадцатилѣтній юноша, вперилъ вдохновенный взоръ въ полугнившій ботъ, около полувѣка валявшійся въ дѣдовскомъ сараѣ, между всякимъ хламомъ, въ пыли, въ грязи, безъ мачты, безъ парусовъ, и въ умѣ его мелкнула, какъ молнія, мысль о Русскомъ флотѣ, принадлежитъ къ самымъ лучезарнымъ. Она ждетъ кисти или рѣзца Художника, съ могучимъ талантомъ, способнымъ изобразить то, что происходило въ эту минуту въ душѣ Петра и чего не въ силахъ разсказать бытописатель. Понятно влеченіе къ морю въ тѣхъ людяхъ, которые измлада свыклись съ бурною стихіею, по крайней мѣрѣ хотя разъ испытали наслажденіе морскаго путешествія, или даже

съ берега видали суда, смѣло и гордо бѣгущія по волнамъ, разсѣкая ихъ величавою грудью. Но только онъ, Царь истинно Великій, по однимъ смутнымъ разсказамъ знакомый съ *Синимъ моремъ Океаномъ*, съ роду ничего не видавшій обширнѣе какого-нибудь Просянаго пруда, могъ воспламениться страстію къ сооруженію кораблей, къ плаванію по морямъ, при видѣ ветхаго четырехвесельнаго бота. Не отличнымъ искусствомъ, безъ всякаго сомнѣнія, обладалъ и первый наставникъ его въ кораблестроеніи: то былъ простой *матросъ*, который, лѣтъ за 20 предъ тѣмъ пріѣхавъ въ Россію изъ Голландіи съ скромнымъ званіемъ блочнаго подмастерья, на старости добывалъ въ Москвѣ насущный хлѣбъ столярною работою (10).

И быстро развилась въ Петрѣ страсть къ мореплаванію: недолго, не болѣе двухъ, трехъ недѣль въ Іюнѣ 1688 года, катался онъ съ старикомъ Брантомъ на дѣдовскомъ ботѣ по грязной Яузѣ и по тинистымъ прудамъ Измайловскимъ. На другой день послѣ своего тезоименитства, онъ выпросился у Царицы-матери къ Троицѣ, на праздникъ Обрѣтенія мощей Св. Сергія Радонежскаго Чудотворца, поклонился Св. Угоднику и отправился далѣе, къ Переяславлю-Залѣсскому, взглянуть на озеро, которое, какъ говорили ему, побольше Просянаго пруда (11). Дорога отъ Троицко-Сергіева монастыря къ Переяславлю-Залѣсскому, на пространствѣ 63 верстъ, пролегаетъ страною живописною, по холмамъ и долинамъ, между зеленыхъ рощей и роскошныхъ нивъ. Верстъ за 5, съ высокой горы, отъ Каменнаго креста, издревле

водруженнаго на верху ея, открывается Переяславль-Залѣсскій въ очаровательной панорамѣ: горизонтъ неизмѣримый; направо при самомъ озерѣ городъ, съ древнимъ величественнымъ соборомъ Преображенскимъ; окрестъ его болѣе 20 красивыхъ храмовъ и древнихъ монастырей, которые, сливаясь въ одну группу, даютъ ему видъ города обширнаго и многолюднаго; налѣво— Плещеево озеро, верстъ 30 въ окружности, съ утопающимъ вдали берегомъ, какъ будто безбрежное море, лазоревое, весело плещущее своими прозрачными струями, усѣянное стаями чаекъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, съ розовыми клевами и лапками (*). Съ Восточной стороны вливается въ него, проходя чрезъ городъ, мутный Трубежъ; съ Западной вытекаетъ свѣтлая Вёкса, впадающая, чрезъ озеро Сомино, подъ именемъ Нерли, въ Волгу. На Южной сторонѣ, верстахъ въ трехъ отъ Переяславля, за деревнею Веськóво, возвышается мысъ Гремячъ, съ прелестнымъ видомъ на озеро, на городъ и на Горицкій монастырь.

Полюбовавшись озеромъ, Петръ спѣшилъ въ Москву— испросить дозволеніе матери на постройку судовъ при Переяславлѣ-Залѣсскомъ. Нѣжно любя сына, Царица съ трепетомъ смотрѣла на его огненныя потѣхи; новая придуманная имъ забава — водою приводила ее въ ужасъ. Болѣе всего она боялась частыхъ и продолжительныхъ отлучекъ его, и не безъ основанія: до нея доходили слухи о за-

(*) Оно почти круглое; въ длину верстъ 10, въ ширину 8. Грунтъ вездѣ песчаный, съ безчисленнымъ множествомъ родниковъ; при берегахъ мелко, въ особенности съ Западной стороны; въ срединѣ глубоко, иногда саженъ до 25.

мыслахъ Царевны Софіи, которые день ото дня становились дерзостнѣе и опаснѣе. Не могла Царица отказать въ просьбѣ сына, и Карштенъ Брантъ съ мастеромъ Кортомъ отправился въ Переяславль закладывать суда. Она не теряла однакожь надежды удержать рѣзваго Петра при себѣ, и поспѣшила его женить: нашла ему невѣсту, молодую, прекрасную, Евдокію Ѳедоровну Лопухину, дочь Окольничаго Ѳедора Абрамовича, одного изъ друзей своего дома, и 27 Генваря 1689 года отпраздновала свадьбу (12). Тщетная предосторожность!

Едва миновалъ мѣсяцъ и начали вскрываться рѣки, Петръ, оставивъ молодую жену, поскакалъ въ Переяславль. Тамъ на берегу Трубежа, близъ церкви Знаменія Пресвятыя Богородицы, хлопоталъ Карштенъ Брантъ съ корабельнымъ мастеромъ Кортомъ надъ тремя судами (13). Два изъ нихъ были уже въ отдѣлкѣ. Въ самый день пріѣзда Царя, 20 Апрѣля озеро вскрылось. Радостно смотрѣлъ онъ на зеркальную, необозримую поверхность его, на успѣшную постройку судовъ, и самъ принялся помогать Бранту. Удары Царскаго топора огласили окрестности Трубежа. «Матушка Государыня! — писалъ державный плотникъ къ Царицѣ, немедленно по пріѣздѣ, — благослови сынишку твоего *Петрушку*, въ работѣ пребывающаго. Озеро вскрылось; всѣ суда, кромѣ большаго корабля, въ отдѣлкѣ. Только за канатами стало. Вели прислать ихъ изъ Пушкарскаго Приказа, по семи сотъ саженъ, немедленно. Иначе житье мое здѣсь продолжится» (*).

(*) Письмо это, *первое* изъ собственноручныхъ писемъ Петра, хранится въ Государств. Архивѣ.

Вмѣсто канатовъ, Царица-мать послала ему повелѣніе, возвратиться скорѣе домой, тѣмъ болѣе, что наступало 27 Апрѣля, когда скончался Царь Ѳеодоръ Алексіевичъ, и все Царское семейство непремѣнно бывало въ этотъ день на паннихидѣ въ Архангельскомъ соборѣ (*). «Дражайшая матушка! отвѣчалъ Петръ, недостойный сынишка твой *Петрунка* челомъ бьетъ. Къ Москвѣ я быть готовъ; только, сѣй, ей, дѣло есть. Наипокорственнѣ предаюсь въ волю вашу». Царица требовала настоятельно, чтобы онъ возвратился. Звала его и молодая жена: «Радость моя, Царь Петръ Алексіевичъ»—писала Евдокія—«пожалуй, Государь, будь къ намъ, не замѣшкавъ». Дѣлать было нечего: Петръ отправился въ Москву, едва поспѣлъ къ паннихидѣ (**), и чрезъ мѣсяцъ опять ускакалъ на озеро Плещеево. Тамъ уже не засталъ онъ мастера Корта, который умеръ за нѣсколько часовъ до его пріѣзда; но суда были почти готовы. «Всѣ удались зѣло хороши, писалъ Петръ къ матери; присылкѣ же съ докторомъ и съ Гаврилою (Головкинымъ) я обрадовался, какъ радовался Ной о масличномъ сукѣ» (***). Онъ не могъ налюбоваться на свои суда, спѣшилъ додѣлать ихъ, не имѣлъ почти времени увѣдомить мать о своемъ здоровьи, какъ она требовала непрестанно, писалъ къ ней наскоро, на лоскуткахъ грязной бумаги, дрожащею рукою, очевидно измученный дневною

(*) Уставъ Москов. Патріарх. въ Древн. Россійс. Вивл. X. 262—263.

(**) Уставъ Москов. Патр. въ Древ. Рос. Вив. X. 263.

(***) Что прислала ему Царица, неизвѣстно: не кнаты ли?

работою, но полный радостнаго чувства при видѣ своихъ кораблей. «Гей! писалъ онъ торопливо къ Царицѣ, о здравіи твоемъ слышать желаю и благословенія прошу; а о судахъ паки подтверждаю: зѣло хороши всѣ».

Не скоро однакожь удалось ему погулять въ сооруженномъ трудами его ковчегѣ по озеру Переяславскому. Его съ нетерпѣніемъ ждали въ Москву на вторичную панихиду по Царѣ Ѳеодорѣ Алексіевичѣ, въ память тезоименитства усопшаго Государя: онъ не поспѣлъ къ 8 Іюня, когда совершалась панихида, пріѣхалъ чрезъ четыре дня (*), исполнилъ благочестивый долгъ брата и уже не смѣлъ отлучиться изъ Преображенскаго: до него дошли зловѣщіе слухи.

Въ то самое время, когда Петръ со всѣмъ жаромъ своей души предавался Наукѣ и Искусству, и по собственному, многозначительному выраженію его «трудился яко Ной» надъ ковчегомъ возрожденія Россіи, злобная сестра, окруженная юродами, ханжами, суесвятами, крамольными Стрѣльцами, дерзнула огласить его ни къ чему неспособнымъ; и съ боговѣнчаннаго чела задумала сорвать Царскую корону, чтобы украсить ею свою преступную голову.

(*) Уставъ Москов. Патріарх. въ Древ. Россійс. Вивл. X. 310.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Басвиль (Bassvile), Авторъ сочиненій. a) Éléments de Mythologie avec l'analyse d'Ovide et des poëmes d'Homére et de Virgile, 1784; b) Mélanges érotiques et historiques, 1784; c) Mémoires historiques, critiques et politiques de la révolution de France, 1790, — одинъ изъ первыхъ редакторовъ республиканскаго журнала Mercure national, съ 1792 Секретарь Французскаго Посольства въ Неаполѣ, умерщвленный въ Римѣ чернью въ Генварѣ 1793 года, написалъ и издалъ въ Женевѣ въ 1784 году Précis historique sur la vie et les exploits de François Le Fort. Авторъ говоритъ, что онъ пользовался фамильными бумагами, и въ доказательство напечаталъ въ концѣ своей книги нѣсколько документовъ. Отъ того, кажется, сочиненіе его служило авторитетомъ Голикову, Бергману, Полевому, Бантышъ-Каменскому, Корниловичу и всѣмъ иностраннымъ Писателямъ, говорившимъ и судившимъ о Петрѣ Великомъ съ конца прошедшаго столѣтія. Оно наполнено однакожь множествомъ невѣрныхъ показаній, ошибокъ въ именахъ, даже явныхъ выдумокъ. Позднѣйшіе Историки прибавили къ тому свои догадки, ни на чемъ неосновательныя, и Лефортъ представленъ потомству въ самомъ ложномъ свѣтѣ. По словамъ Басвиля, отецъ Лефорта былъ членомъ Великаго Совѣта въ Женевѣ и въ этомъ званіи умеръ въ 1676 году (p. 16); изъ Актовъ же нашего Архива видно, что онъ умеръ въ 1681 году въ Цесарской службѣ (сношенія съ Женевскою республикою въ Главномъ Архивѣ). Басвиль пишетъ, что Лефорта подговорилъ въ Русскую службу вмѣстѣ съ другими Полковникъ Верстинъ (Verstin), которому Царь Алексій Михайловичь *поручилъ* нанимать способныхъ иноземцевъ; что Царь *скончался* до пріѣзда ихъ въ Архангелскъ; что Архангельскій Воевода, *орудіе Софіи*, не дозволялъ имъ отправиться въ Москву, даже грозилъ *ссылкой* въ Сибирскіе *рудники;* что цѣлые *семь* мѣсяцевъ они жили въ Архангельскѣ до смерти ненавистнаго Воеводы; что Лефортъ, чрезъ одного торговаго Италіян-

ца написалъ въ Москву о своемъ затруднительномъ положеніи къ земляку своему Базельскому купцу (un marchand Baslois), успѣлъ посредствомъ его выхлопотать паспортъ, прибылъ въ столицу, скоро выучился Русскому языку, сблизился съ Датскимъ Резидентомъ Горномъ и исправлялъ при немъ должность *Переводчика*, когда Горнъ былъ на аудіенціи у Царя Ѳеодора Алексіевича». Въ этомъ разсказѣ Басвиля о выѣздѣ Лефорта въ Россію, что̀ слово— то ошибка. Полковнику Фанъ-Фростену (а не Verstin), съ которымъ Лефортъ прибылъ къ Архангельску еще при *жизни* Царя Алексія Михайловича въ Августѣ мѣсяцѣ 1675 года, никогда не было поручаемо нашимъ Правительствомъ призывать иностранцевъ: онъ пріѣхалъ съ своими товарищами безъ всякаго приглашенія. Воевода не отпускалъ ихъ въ Москву, единственно потому, что ждалъ царскаго указа, между тѣмъ производилъ имъ *корма*; дозволеніе пріѣхать въ Москву дано было не по ходатайству какого-то Базельскаго купца, а въ слѣдствіе челобитной Фанъ-Фростена и товарищей его, посланной *тѣмъ же* Воеводою въ Посольскій Приказъ (см. выше документы, приведенныя въ нашей статьѣ). Переводчикомъ Горну Лефортъ служить не могъ: потому что не былъ въ Россіи, когда Посланникъ представлялся Царямъ Іоанну и Петру, а не Ѳеодору, и Переводчикомъ былъ у него Леонтій Гроссъ. Наши Историки повторили разсказъ Басвиля безъ всякихъ справокъ и дополнили его своими ошибками: Бантышъ-Каменскій (Словарь достоп. люд. 1847. II. 270) называетъ Архангельскаго Воеводу, столь непріязненнаго Лефорту, Княземъ Иваномъ Андреевичемъ Хованскимъ, между тѣмъ, какъ тогда былъ Думный Дворянинъ Ѳедоръ Полуектовичъ Нарышкинъ, уже никакъ не могшій служить оруліемъ Царевнѣ Софіи, которая и не имѣла въ то время никакого вліянія; а благодѣтельнаго купца, такъ пособившаго Лефорту, тотъ же Писатель (слѣдуя Толикову и Полевому—Обозрѣніе Рус. Ист 1846. 159), именуетъ *Балуа*, принявъ имя прилагательное Baslois (Базелецъ, или Базельскій) за имя собственное. Считаю излишнимъ говорить о тайныхъ бесѣдахъ Лефорта съ Петромъ,

которыя Басвиль какъ будто подслушалъ (52—58), а Голиковъ и Корниловичъ повторили ихъ. Это выдумка очевидная. Послѣ такихъ несообразностей, я не могъ вѣрить Басвилю почти ни въ чемъ, и долженъ былъ ограничиться матеріалами несомнѣнными, хотя, къ сожалѣнію, не многочисленными.

2) Разспросныя рѣчи въ томъ же дѣлѣ. Имена иноземцевъ въ нашихъ актахъ пишутся такъ различно, что, за недостаткомъ собственноручныхъ подписей, трудно угадать, какое изъ нихъ настоящее: Фанъ-Фростенъ и Фонъ-Фрощтенъ, даже Фанъ-Тростенъ (Въ челобитной изъ Чигрина въ 1677 г. онъ называетъ себя: Полковникъ Инженеръ Яковъ Фанъ-Фростенъ); Фанъ-Торнинъ и Фонъ-Турнинъ, также Торверъ и Турниръ; Тшебяковскій и Требляковскій; Фанъдеръ-Фельдъ и Фонъ-Дорфелтъ, также Фандертъ; Румеръ и Руморъ; Бузъ и Бузно. Лефортъ только одинъ разъ названъ Лафортомъ. Самъ онъ подписалъ свое имя въ объясненіи, данномъ Посольскому Приказу: Frants Lefort.

3) Указъ о принятіи ихъ въ службу объявленъ Бояриномъ Матвѣевымъ 20 Мая 184 года (1676). Фанъ-Фростенъ отправленъ былъ въ Чигринъ, мужественно защищалъ его противъ Турокъ и велъ подробный журналъ. Основываясь на семъ журналѣ, Гордонъ составилъ любопытное описаніе Чигринской осады (въ III части своего Дневника). Въ концѣ 1677 года дозволено Фанъ-Фростену возвратиться въ Москву, въ слѣдствіе челобитной его, присланной изъ Кіева 10 Октября 1677 тамошнимъ Воеводою Бояриномъ Иваномъ Борисовичемъ Троекуровымъ. Фанъ-Фростенъ пишетъ въ своей челобитной, что былъ онъ на царской службѣ въ Чигринѣ въ тяжкой осадѣ; отъ непріятельскихъ гранатовъ учинился ему великій убытокъ: многіе животишки его гранатами поразбивало. А какъ Турки отъ города отступили и съ великимъ стыдомъ и страхомъ пошли въ свою землю, осенью же никакого городоваго земляного дѣла дѣлать невозможно, и полка у него нѣтъ, то и просилъ дозволенія пріѣхать въ Москву, на что послѣдовало царское согла-

сіе 29 Октября 186 (1677) года. Въ послѣдствіи въ перечневой росписи ратнымъ людямъ 189 года (1681—1682) онъ значится Полковникомъ копейнаго и рейтарнаго строю въ Сѣверскомъ разрядѣ у товарища Воеводы большаго полку, у Думнаго Дворянина В. А. Змѣева. Куда дѣвался онъ послѣ, неизвѣстно; равнымъ образомъ ничего не знаемъ объ участи и товарищей его.

4) Филиппъ Фанъ-Букговенъ выѣхалъ въ Россію изъ Голландіи, по призыву Боярина Ильи Даниловича Милославскаго въ 1648 году, вмѣстѣ съ отцемъ своимъ Маіоромъ Исакомъ Фанъ-Букговеномъ, Капитаномъ Юрьемъ Галіусомъ, Яковомъ Стуардомъ, Яковомъ Гепольтомъ и Вилимомъ Алимою. Онъ вступилъ въ Русскую службу Капитаномъ. (Дѣло о выѣздѣ ихъ въ Главномъ Московскомъ Архивѣ 6 Іюня 1647 — 29 Іюля 1648). Въ послѣдствіи дослужился до чина Полковника, и при несчастномъ для Россіи оборотѣ войны съ Польшею, въ Октябрѣ 1660 года попался въ плѣнъ, изъ котораго освободился по заключеніи Андрусовскаго перемирія и умеръ въ Москвѣ въ чинѣ Генералъ-Маіора. Въ то время, какъ онъ былъ въ плѣну, знаменитый Гордонъ въ началѣ 1665 г. женился на дочери его; отъ этого брака въ томъ же году въ Ноябрѣ родилась у нихъ дочь Катерина; воспріемниками ея при крещеніи были Полковники Корнелій Фанъ-Букговенъ, жена Полковника Штадена и Подполковника So-Шеу. (Въ Нѣмецкомъ переводѣ Гордонова журнала, изданномъ въ 1849 году, она названа S. Шеу; въ подлинникѣ стоитъ ясно So-Шеу). Вотъ единственное извѣстіе о фамиліи Со-Ге, или Су-ге. Въ дѣлахъ Архива нѣтъ никакихъ свѣдѣній о выѣздѣ или службѣ Подполковника этого имени. Но сообщаемое Гордономъ свѣдѣніе доказываетъ, что Подполковница Со-Ге, бывшая воспріемницею его дочери, находилась въ родственныхъ связяхъ съ фамиліею Букговенъ, и потому очень вѣроятно пишетъ Сенебье (въ своей Histoire literaire de Géneve. t. II. 338), что Лефортъ женился на Mademoiselle Souchay. Имя ея (Елизабетъ) мы узнаемъ изъ челобитной, которую она подавала Императрицѣ Екатери-

нѣ I, уже по кончинѣ Петра Великаго. Кабинетн. дѣла, Отд. II. кн. 75.

5) Нёвиль, бывшій въ Москвѣ тайнымъ агентомъ Французскаго Министерства въ 1689 году и собравшій не мало любопытныхъ свѣдѣній о временахъ Царевны Софіи, перепуталъ однакожь многія событія и страннымъ образомъ изуродовалъ имена; при изданіи его книги, вѣроятно съ неразборчивой рукописи, они еще болѣе обезображены: кто напримѣръ пойметъ что Narthemonerrick (23) значитъ Андрей *Артамановичь* Матвѣевъ? Kenas Iacob Seudrewick (62) Князь Яковъ Федоровичъ? Levanti Romanorrick ne Pleuvan (68) Леонтій Романовичъ Неплюевъ, Somuelerrich (76) Самойловичъ? Такъ точно пишетъ онъ имя и Царя Алексія Михайловича: (стр. 9) Czar Alexis Samuel Errich. (стр 37) Czar Alexis Sancuelimich. Мѣсто, гдѣ нашли Петру перваго учителя въ лицѣ Самуила Ерика, изложено такъ (стр. 9): «Quelque tems aprés le Czar Alexis Samuel Errich se voyant moribond, le (т. е. Менезія) declara Gouverneur du jeune Prince Pierre». Т. е. «Чрезъ нѣсколько времени Царь Алексій Михайловичъ, чувствуя приближеніе смерти, именовалъ его (Менезія) воспитателемъ юнаго Царевича Петра». О Самуилѣ Ерикѣ Авторъ и не думалъ. Здѣсь кстати упомянуть о другомъ столь же мало вѣроятномъ извѣстіи, которое сообщаетъ Kogalnicean въ своихъ Fragments tirés des chroniques Moldaves et Valaques, Iassi. 1845. I. 5, будто Молдавскій Боярин Spatar Nicolas Milescu, часто упоминаемый въ нашихъ бумагахъ Посольскаго Приказа подъ именемъ Переводчика Николая Спафарія, былъ опредѣленъ Царемъ Алексіемъ Михайловичемъ въ учители къ Царевичу Петру. Даже Нёвиль, знавшій его лично, не говоритъ о томъ ни слова. Да и не могъ быть назначенъ Спафарій Царемъ Алексіемъ въ учителя Петру: потому что, по вступленіи въ Русскую службу, онъ отправленъ былъ Посланникомъ въ Китай въ началѣ 1675 года, когда Петру не было *трехъ* лѣтъ, и возвратился изъ путешествія уже по воцаренін Ѳеодора Алексіевича въ 1678 году.

6) Современники, знавшіе Лефорта лично и оставившіе объ немъ извѣстія въ своихъ сочиненіяхъ, были: Генералъ Патрикъ Гордонъ, Маіоръ Александръ Гордонъ, Секретарь Цесарскаго Посольства Корбъ и Капитанъ Перри.

Генералъ Гордонъ до 6 Генваря 1686 года ни разу не упоминаетъ имя Лефорта, хотя въ журналѣ за 1684 и 1685 годы, во время службы своей въ Кіевѣ, онъ приводитъ множество лицъ, съ которыми переписывался, тщательно замѣчая, къ кому онъ писалъ, или отъ кого получалъ письма. Это молчаніе даетъ поводъ думать, что Лефортъ находился тогда въ Кіевѣ и не прежде конца 1685 года возвратился съ нимъ въ Москву. Съ 6 Генваря 1686 года Гордонъ говоритъ о Лефортѣ, но рѣдко — именно: 6 Генваря онъ обѣдалъ у Подполковника Лефорта; 25 Генваря обѣдалъ у Мистера Вульфа, крестнаго отца Лефортова сына Даніила; 2 Февраля 1687 обѣдалъ у Подпол. Лефорта; 11 Февраля 1688 былъ на похоронахъ сына *Полковника* Лефорта; 15 Сент. обѣдалъ у него. 4 Марта 1689 года Полковникъ Лефортъ прибылъ въ Сумы, главную квартиру Воеводы Большаго полка: 29 Іюня Гордонъ съ береговъ Мерлы, по окончаніи втораго Крымскаго похода, отправился въ Москву съ Полковниками Лиевстономъ и Лефортомъ. 5 Сентября (почти чрезъ мѣсяцъ по открытіи заговора Шакловитаго) Гордонъ съ нѣкоторыми Полковниками и Офицерами отправился къ Царю Петру въ Троицкую Лавру, ни слова не говоря о Лефортѣ. Послѣ того, разсказывая многіе случаи и подробности борьбы Петра съ Софіею, также молчитъ объ немъ до 16 Мая 1690 года, когда онъ ужиналъ у *Генералъ-Маіора* Лефорта. Съ сего времени Лефортъ является безпрестанно при особѣ Петра. Гордонъ, всегда осторожный въ сужденіи о другихъ лицахъ, при описаніи перваго Азовскаго похода, не могъ скрыть своей досады на Лефорта, который распоряжался своимъ отрядомъ весьма неискусно, мало обнаруживалъ основательныхъ свѣдѣній въ военномъ дѣлѣ, и думалъ какъ-нибудь кончить походъ, только бы скорѣе возвратиться въ Москву.

Маіоръ Александръ Гордонъ, поступившій въ Русскую службу года за три до смерти Лефорта и бывшій съ нимъ во второмъ Азовскомъ походѣ, говоритъ именно, что онъ почти ничего не разумѣлъ въ военномъ искусствѣ ни на морѣ, ни на сушѣ, но царская милость все замѣняла: He unterstood little or nothing of the military art, either by sea or land, but favour supplied all. (The History of Peter the Great. Aberdeen, 1755. I. 135). Авторъ писалъ, когда уже давно не было на свѣтѣ ни Петра, ни Лефорта; слѣдовательно трудно подозрѣвать его въ пристрастіи, тѣмъ болѣе, что каждому отдаетъ онъ справедливость, за исключеніемъ, можетъ быть, одного Меншикова.

То же свидѣтельствуетъ о Лефортѣ — Капитанъ Перри, равнымъ образомъ знавшій его лично: «Царскій любимецъ Лефортъ, который ничего не понималъ на морѣ, былъ объявленъ Адмираломъ». His Favourite Le Fort, who tho' he knew nothing of the Sea, was declar'd Admiral. (The State of Russia. By Captain John Perry. London, 1716. p. 187). Но Перри ввелъ въ заблужденіе всѣхъ Историковъ, сказавъ въ своемъ сочиненіи, что Лефортъ находился при Петрѣ съ 12-лѣтняго возраста Царя, бесѣдовалъ съ нимъ о странахъ Западной Европы, о тамошнемъ устройствѣ войскъ морскихъ и сухопутныхъ, о торговлѣ, которую Западные народы производятъ во всемъ свѣтѣ посредствомъ мореплаванія и обогащаются ею. Не споримъ, что обо всемъ этомъ говорилъ Лефортъ Петру, когда Государь удостоилъ его своею дружбою, но не съ 12-лѣтняго возраста, а гораздо послѣ. Самъ Перри свидѣтельствуетъ, что Лефорта узналъ Петръ только съ того времени, когда удалился онъ въ Троицкую Лавру, спасаясь отъ властолюбивой сестры; но мало знакомый съ Исторіею Стрѣлецкихъ мятежей, онъ отнесъ къ одному году (1683) и Майское кровопролитіе 1682 года, и бунтъ Стрѣльцовъ послѣ казни Хованскаго, и заговоръ Шакловитаго, и паденіе Софіи (1689). Все слито въ одно происшествіе (См. его The Staate of Russia, p. 143—146). Компиляторы, не разобравъ дѣла и не вникнувъ, что Петру при удаленіи Софіи было не 12, а 17 лѣтъ, протрубили въ потомствѣ объ участіи Лефорта въ первоначальномъ обра-

ваніи Петра: всѣ они очевидно имѣли въ виду ошибочный разсказъ Перри и разукрасили его своими догадками. Мнѣніе это еще болѣе утвердилось послѣ изданія Лефортовой біографіи Басвилемъ, который, воспользовавшись нѣкоторыми неизвѣстными подробностями, найденными Женевскимъ библіотекаремъ Сенебье, въ фамильныхъ бумагахъ, смѣло выдумывалъ факты, рѣчи, бесѣды: а ему слѣпо послѣдовали наши Историки отъ Голикова до Полеваго, и такимъ образомъ составилась колоссальная слава Лефорта.

7) Вотъ слова Корба (Diarium itineris in Moscoviam, p. 214): «Францъ Яковлевичъ Лефортъ, перваго выборнаго Московскаго полка Генералъ и Флота Адмиралъ, родомъ Женевецъ, лѣтъ за 20 чрезъ Бѣлое море съ двумя товарищами отправился въ Россію искать счастія, и чего искалъ, то нашелъ: въ 1688 году (ошибка вмѣсто 1689) ихъ Царскія Величества удалились въ Троицкій монастырь, спасаясь отъ мятежныхъ Стрѣльцовъ, которые не только не щадили Бояръ, украшенныхъ добродѣтелями, но жаждали и Царской крови юныхъ Государей; въ это опасное время, когда многіе колебались, чью принять страну, не зная, чѣмъ кончится буря и кому достанется власть господства, Лефортъ съ немногими изъ своихъ воиновъ поспѣшилъ къ Троицѣ; такъ, своею рѣшительностію, онъ пошелъ фортунѣ на встрѣчу, а не послѣдовалъ за нею. Такою преданностію и самоотверженіемъ въ минуты опасности, онъ пріобрѣлъ любовь Царя и самые несправедливые завистники должны согласиться, что Лефортъ ее заслужилъ».

Впрочемъ Корбъ, какъ и Капитанъ Перри, приписывая привязанность Петра къ Лефорту самоотверженію его во время паденія Софіи, смѣшиваетъ событія и путается въ лѣтосчисленіи. Генералъ Гордонъ не говоритъ ни слова, какимъ образомъ и за что попалъ Лефортъ въ милость къ Царю; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нисколько не подтверждаетъ и общаго мнѣнія, и до 1690 года даже не намѣкаетъ, чтобы Лефортъ былъ близокъ къ Петру. Александръ Гордонъ (Маіоръ), писавшій свою Исторію лѣтъ черезъ 20 по кончинѣ Петра, говоритъ въ общихъ выраженіяхъ и весьма кратко, что Царь вывелъ своего любимца въ пять лѣтъ

изъ Капитановъ въ Генералы (The History of P. the G. I. 135). Но во 1) Лефортъ служилъ до Генеральскаго чина Капитаномъ, Подполковникомъ и Полковникомъ болѣе 11 лѣтъ (1678—1689); во 2) письмо К. В. В. Голицына къ Женевскимъ Державцамъ свидѣтельствуетъ, какъ благоволилъ къ нему могущественный временщикъ, который, по всей вѣроятности, былъ истиннымъ виновникомъ и повышенія его; 3) извѣстія А. Гордона особенно важны только въ такихъ случаяхъ, о которыхъ онъ разсказываетъ какъ очевидецъ; что же случилось прежде пріѣзда его въ Россію и послѣ удаленія въ Англію, то есть до 1696 и послѣ 1711 года, онъ зналъ очень поверхностно. Замѣчу еще обстоятельство: если бы Лефортъ уже во время владычества Софіи пользовался такою довѣренностію Петра, какъ обыкновенно пишутъ, трудно понять, отъ чего она не обратила на него вниманія, зная хорошо все, что дѣлалось въ Преображенскомъ. Прекрасный былъ бы для нее случай уронить Петра во мнѣніи Стрѣльцовъ, выставивъ его ученикомъ еретика; огласила же его пьяницею. Это обстоятельство тѣмъ болѣе замѣчательно, что какой-нибудь Извольскій, или Зыковъ, обреченъ былъ смерти съ Нарышкиными и Княземъ Борисомъ Алексіевичемъ; а потѣшные конюхи были Царевнѣ ненавистны; о Лефортѣ же *учредителѣ* потѣшныхъ и не подумали! Имя его ни разу не упоминается въ подлинномъ розыскномъ дѣлѣ о Шакловитомъ, гдѣ видимъ всѣхъ приверженцевъ Петра.

8) О склонности Лефорта къ веселой, даже разгульной жизни свидѣтельствуютъ Патрикъ Гордонъ, Александръ Гордонъ и Корбъ; первый часто упоминаетъ въ своемъ журналѣ о пирахъ, которые давалъ Лефортъ: почти послѣ каждаго изъ нихъ Гордонъ былъ нездоровъ. Второй пишетъ, что Лефортовскіе пиры продолжались по три дня и по три ночи сряду, I. p. 136. Корбъ свидѣтельствуетъ, что на одрѣ смертномъ, въ бреду горячки, Лефортъ безпрестанно требовалъ музыкантовъ; врачи велѣли позвать ихъ и при звукахъ музыки онъ нѣсколько успокоился, p. 120. О добромъ сердцѣ, природномъ умѣ и смѣлой откровенности съ Петромъ также отзываются всѣ Писатели, знавшіе его лично.

О безкорыстіи его свидѣтельствуетъ Корбъ (123) и незначительное имущество, которое по себѣ оставилъ онъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

9) Начало потѣшныхъ и первое образованіе изъ нихъ двухъ полковъ — Преображенскаго и Семеновскаго объяснить трудно, по недостатку современныхъ матеріаловъ. Все, что писали позднѣйшіе Историки — Крекшинъ, за нимъ Голиковъ, Бергманъ, Полевой и другіе, заслуживаетъ мало вѣроятія, по множеству явныхъ несообразностей и выдумокъ. Крекшинъ напримѣръ баснословитъ, что «Великій Государь еще *въ дѣтскихъ лѣтахъ*, вмѣсто дѣтскихъ игралищъ, забавлялся въ военныхъ, инженерныхъ, артиллерныхъ и въ прочихъ наукахъ». Самъ Петръ свидѣтельствуетъ, что онъ началъ учиться Геометріи и Фортификаціи не прежде 1688 года, т. е. 16 лѣтъ. Единственное указаніе о началѣ потѣшныхъ, современное и вѣроятное, мы находимъ у Матвѣева (въ Запис. Тум. I. 194—196). Онъ описываетъ учрежденіе ихъ *послѣ* заключенія Вѣчнаго мира съ Польшею въ 1686 году. Но извѣстіе его слишкомъ кратко и неопредѣлительно. Начальные люди, къ нимъ приставленные, говоритъ онъ, были изъ комнатныхъ людей Его Величества; кто же именно, не сказываетъ. Во время Кожуховскаго похода 1694 года, слѣд. уже гораздо позже, Капитанами Потѣшныхъ Преображенскаго полка Желябужскій называетъ Князя Юрія Юрьевича Трубецкаго, Князя Якова Ивановича Лобанова-Ростовскаго, Князя Григорія Ѳедоровича Долгорукаго и Князя Алексѣя Никитича Урусова. Исторіографъ Миллеръ (См. Опытъ Трудовъ Вольнаго Россійс. Собр. ч. IV. также Записки, собр. Тумянскимъ VII. 301) крѣпко сомнѣвался о первоначальномъ наборѣ Потѣшныхъ въ 1683 году, а относилъ его къ 1687, приписывая все Лефорту, безъ всякаго однакожь положительнаго свидѣтельства объ участіи Лефорта въ этомъ дѣлѣ. Доказательствомъ, что Петръ прежде 1687 года началъ *прибирать* въ Потѣшные солдаты людей постороннихъ и уже задумалъ сформировать свою гвардію, служатъ слѣдующіе документы: 1) Въ спискѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка съ 1701 по 1786 года показанъ отъ Бомбардиръ-Поручикъ Сергѣй Бухво-

стовъ, переведенный 23 Октября 1714 года въ С. Петербургскую Артиллерію, съ отмѣткою на полѣ— что онъ былъ первый солдатъ Преображенскаго полка и началъ службу съ 1682 года. По смерти его въ 1728 году, Генералъ-Фельдцегмейстеръ Минихъ въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ напечаталъ, что Бухвостовъ первый записался въ Бомбардирскую роту при самомъ *учрежденіи* ея въ 1695 году, и что Императоръ Петръ Великій приказалъ Художнику Растрели для вѣчной памяти вылить изъ металла персону его въ натуральную величину. Показаніе Миниха однакожь невѣрно: въ подлинныхъ спискахъ Бомбардирской роты 1695 года (Кабин. дѣла II. кн. 53) имени Бухвостова нѣтъ. Вѣроятнѣе свидѣтельство Академіи Наукъ ландкартнаго мастера Михайла Махаева, который лично зналъ Бухвостова, былъ при кончинѣ его, и выгравировавъ портретъ его (см. копію этой гравюры въ Русскомъ Зрителѣ 1828 *№* 1 и 2), въ надписи къ нему выразился слѣдующимъ образомъ: «*Первый Русскій солдатъ Сергѣй Леонтьевъ сынъ Бухвостовъ.* Изъ Придворныхъ служителей, 1683 года Ноября 30 дня, при началѣ военно-потѣшной службы первѣйшимъ въ оную самохотно предсталъ, потому Государь Петръ Великій тогда же симъ первенствомъ почтить его изволилъ. Служа потомъ въ Лейбъ-Гвардіи Преображенскомъ полку въ Бомбандерской ротѣ до Оберъ-Офицера былъ въ разныхъ баталіяхъ» и проч. Отъ Надзирателя Академической Кунсткамеры Бухвостова, служившаго при ней 50 лѣтъ, преемникъ его Бѣляевъ узналъ, что Сергѣй Леонтьевичь родился въ 1659 году, 15 лѣтъ поступилъ на мѣсто отца своего въ *конюшенный* чинъ, а въ 1683 году опредѣленъ въ число Потѣшныхъ. См. Кабинетъ Петра Великаго, 1800. III. 241. (Махаевъ говоритъ, что Бухвостовъ родился 1642 и умеръ 86 лѣтъ. Минихъ, согласно съ нимъ и Бѣляевъ, относитъ годъ его рожденія къ 1659. Кому тутъ вѣрить? Дѣло впрочемъ неважно). 2) Въ Государственномъ Архивѣ, въ Кабинетныхъ дѣлахъ (Отд. II. кн. 69), сохранилась любопытная челобитная Луки Михайлова сына Хабарова, Преображенскаго полка Квартермистра, 6 Мая 1724: испрашивая у Государя награды по случаю предстоявшей коронаціи

Императрицы Екатерины, онъ описываетъ начало своей службы такъ: «Во 191 году 5 Сентября (1682) по указу Вашего Величества пожалованъ я изъ недорослей къ комнатѣ В. В. и по именному указу В. В. вѣдалъ я въ Верху новопостроенные хоромы (*), аптеку, *архимиску* (?) и нѣкакую часть ракетнаго дѣла; а въ Преображенскомъ артиллерію и артиллерійскіе припасы и аммуницію *много лѣтъ*; и въ тѣ годы былъ я въ солдатѣхъ, и послѣ того былъ пожалованъ въ капралы. Во 198 году (въ 1689) по именному указу В. В. посыланъ я изъ Троицкаго монастыря въ Москву и въ Преображенское, и изъ Преображенскаго привезъ я въ тотъ монастырь *пушки и мортиры*, также и порохъ бралъ съ Зелейной мельницы и провозилъ лѣсами тайно отъ Князя Василья Голицына, и былъ при томъ дѣлѣ въ монастырѣ неотлучно. По указу В. В. пожалованъ я въ Москвѣ изъ капраловъ въ квартермистры въ Преображенскій полкъ, и вѣдалъ я пожарное оруліе, пушечныхъ лошадей, пушкарей и мастеровыхъ людей Преображенскаго, и Семеновскаго, Бутырскаго и Лефортовскаго полковъ, также артиллерію, аммуницію и всякіе припасы въ Городкѣ и у съѣзжей избы въ анбарахъ и въ Москвѣ на потѣшномъ дворѣ, строеніе пулварзаковъ, суммъ гренадерскихъ, нагалищъ на фузеи и на замки закрышекъ вновь на тѣжъ полки. Въ 200 году (1692) по именному В. В. указу привезъ я изъ Москвы въ Переяславль-Залѣсскій на озеро въ Великій Постъ шлюпки и карбузы». Изъ словъ Хабарова очевидно, что онъ *много лѣтъ* служилъ солдатомъ между 1682 и 1689 годомъ, что въ этотъ періодъ было устроено обширное ракетное заведеніе, котораго часть находилась въ Москвѣ, и что въ Преображенскомъ была артиллерія.

Есть указаніе, что въ 1682 году уже былъ учрежденъ Преображенскій полкъ: Унтеръ-Лейтенантъ сего полка Даніилъ Новицкій въ челобитной Императрицѣ Екатеринѣ I въ Іюнѣ 1726 года, испрашивая возвращенія чина Капи-

(*) Вѣроятно послѣ пожара 26 Ноября 1682 года, когда въ Кремлѣ сгорѣли хоромы Ц. Петра Алексѣевича и отъ нихъ хоромы Благовѣрныхъ Царевенъ. Древ. Рос. Вив. X. 94.

танъ-Лейтенанта (онъ былъ разжалованъ Петромъ по какому-то дѣлу), говоритъ о началѣ своей службы: «Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полку въ бомбандирской ротѣ началъ я служить съ 190 года (слѣдов. не позже Сентября 1682) и былъ въ Троицкомъ походѣ, Переславскихъ два похода, къ городу Архангельскому дважъ похода, подъ Семеновскимъ, подъ Кожуховымъ» и проч. (Кабинет. дѣла II. кн. 84). Изъ этого показанія можно заключить, что въ 1682 году былъ уже Преображенскій полкъ, раздѣлявшійся на роты, и что въ составѣ его находилась бомбардирская рота; но едва ли Новицкій не ошибся въ своей челобитной, написавъ 190 годъ вмѣсто 1690 — по крайней мѣрѣ съ сего года онъ числился въ службѣ по списку Преображенскаго полка; а другихъ, болѣе точныхъ свидѣтельствъ объ учрежденіи Преображенскаго полка въ 1682 году, мы не знаемъ. Могло впрочемъ статься, что Новицкій дѣйствительно поступилъ въ число тѣхъ Потѣшныхъ, изъ которыхъ въ послѣдствіи образована Бомбардирская рота. Такимъ образомъ Потѣшные получили свое начало еще въ 1683 или даже въ 1682 году; но первый рѣшительный наборъ двухъ полковъ Преображенскаго и Семеновскаго послѣдовалъ не прежде Февраля или Марта 1687 года, какъ явствуетъ изъ слѣдующихъ свидѣтельствъ: a) Шакловитый при допросѣ его Боярами въ Троицкомъ монастырѣ 7 Сент. 1689 показалъ: «Въ прошломъ де во 195 году въ Великой Постъ объявилось письмо на Лубянкѣ... (подметное, съ угрозами Софіи), а *во то время* у Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексіевича учали прибирать потѣшныхъ конюховъ, и отъ того учало быть опасеніе». (Потѣшными конюхами Софія и ея приверженцы называли солдатъ Преображенскихъ и Семеновскихъ). b) По оффиціальному списку Преображевскаго полка, за исключеніемъ одного Бухвостова, самыми старшими по службѣ съ 1687 года числились слѣдующія лица: Премиеръ-Маіоръ Иванъ Бутурлинъ, отъ Бомбардиръ-Поручикъ Степанъ Бужениновъ, Подпоручикъ Иванъ Оглоблинъ и Прапорщикъ Лазарь Сомовъ: c) Въ подлинной вѣдомости за подписью Генерала Ив. Бутурлина 19 Октября 1721 года (Кабинет. дѣла отд. II. кн. 54)

сказано: Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полку, по справкѣ въ Полковой Канцеляріи, Штабъ-Офицеры по своимъ заслугамъ произведены какъ въ Оборъ, такъ и въ Штабъ и въ Генералитетъ: Господинъ Полковникъ Михайловъ (*самъ Государь*) объявленъ былъ Оборъ-Офицеромъ съ 1700 году; былъ въ Оборъ-Офицерахъ по 1706 годъ, 6 лѣтъ, а съ 1706 пожалованъ въ гвардію въ Штабъ-Офицеры, тому нынѣ 16 годъ. Господа Подполковники. Свѣтлѣйшій Князь Меншиковъ въ гвардіи былъ Оборъ-Офицеромъ съ 1701 году, и того былъ въ Оборъ-Офицерахъ по 1706 годъ пять лѣтъ; а съ 1706 пожалованъ въ гвардію въ Штабъ-Офицеры, тому нынѣ 16 голъ. Иванъ Бутурлинъ въ гвардію пожалованъ въ Штабъ-Офицеры въ 195 году (1687), тому нынѣ 34 голъ». d) Въ томъ же году, безъ всякаго сомнѣнія, положено начало и Семеновскому полку, какъ явствуетъ изъ слѣдующаго отзыва Генерала Князя Михаила Михайловича Голицына въ 1720 году къ Кабинетъ-Секретарю Макарову, который спрашивалъ его о его службѣ для Гисторіи Свейской войны; Князь пишетъ о себѣ: «Во 195 году изъ Комнатныхъ Стольниковъ взятъ въ Семеновскій полкъ въ солдаты и за малолѣтствомъ былъ въ наукѣ барабанной; во 197 году былъ съ Государемъ въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ солдатомъ; въ 201 былъ съ Государемъ въ Переславлѣ-Залѣсскомъ, какъ строили корабли, въ Семеновскомъ на потѣхѣ, солдатомъ же. Въ 202 былъ въ Преславлѣ-Залѣсскомъ и пожалованъ Прапорщикомъ» (Кабин. дѣла I. кн. 17). Миллеръ, имѣвшій въ рукахъ печатное извѣстіе о службѣ Князя Голицына, гдѣ сказано: «въ 1687 году вступилъ онъ изъ Стольниковъ Комнатныхъ *гвардіи* въ Семеновской полкъ», замѣчаетъ: «подлежало бы написать вступилъ въ Потѣшные, потому, что гвардіи полковъ еще не было и былъ въ *рядовыхъ Потѣшныхъ*; а когда изъ Потѣшныхъ сдѣлались Преображенскій и Семеновскій полки, то въ послѣднемъ онъ и въ чинъ произошелъ». (Тум. Зап. VII. 306). Князь Голицынъ въ своемъ отзывѣ вовсе не упоминаетъ *о гвардіи*, но ясно говоритъ, что онъ въ 1687 году взятъ *въ Семеновскій полкъ въ солдаты*. Надобно замѣтить, что Макаровъ требовалъ свѣдѣній о службѣ его царскимъ указомъ, и Го-

лицынъ, безъ сомнѣнія, очень хорошо зналъ, гдѣ, когда и какъ началъ онъ свою службу. Въ Кабинет. дѣлахъ (Отд. II. кн. 54) есть еще свѣдѣнія о службѣ Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка Маіора Мих. Волкова: объ немъ сказано «со 196 (т. е. съ 1687 или 1688) въ солдатствѣ и въ Унтеръ-Офицерахъ 12 лѣтъ». Изъ всего вышесказаннаго можно съ вѣроятностію заключить, что оба полка — Преображенской и Семеновской, безъ имени еще гвардіи, возникли въ 1687 году.

10) Разсказы позднѣйшихъ Историковъ, повторявшихъ другъ друга съ произвольными дополненіями, такъ затемнили начало морскаго дѣла въ Россіи, что безъ пособія архивовъ трудно было бы добраться до истины. а) Прежде всего обыкновенно говорятъ, что Петръ съ малолѣтства *боялся воды*, въ слѣдствіе испуга при переѣздѣ чрезъ какой-то разлившійся ручей, по словамъ однихъ, на 5 году, или чрезъ рѣку Истру, по словамъ другихъ, на 3 году. Первые разсказываютъ, что онъ сонный перепуганъ былъ шумомъ падающей воды, а вторые— невольнымъ крикомъ матери, державшей его на рукахъ, и что Князь Борисъ Алексіевичь излечилъ его отъ водобоязни уже на 14 году, приказавъ нѣсколькимъ придворнымъ служителямъ въ присутствіи трепещущаго Царя броситься въ воду. Эту молву распустилъ Штраленбергъ своимъ сочиненіемъ: Das Nord und östliche Theil von Europa, 1730. p. 264. То же, только короче, повторилъ и Манштейнъ, вѣроятно читавшій Штраленберга (Mémoires sur la Russie, 1771 p. 565). Тщетно предостерегалъ благоразумный Миллеръ будущихъ Историковъ Петра отъ неосновательной повѣсти Штраленберга (Зап. изд. Туманскимъ, VII. 313), говоря, что сказаніе его не подтверждается никакими современными свидѣтельствами. Голиковъ, нетерпѣвшій Штраленберга, какъ *злобнаго клеветника*, въ этомъ случаѣ поддался обману, наиболѣе, кажется, потому, что многоуважаемый имъ Крекшинъ съ клятвою увѣрялъ его въ истинѣ преданія (Допол. къ Дѣян. XVII. 3). «Нѣтъ причинъ сомнѣваться въ разсказѣ современниковъ, что Петръ въ дѣтствѣ боялся воды», восклицаетъ Полевой (Обозр. 236). Напротивъ того, есть и очень

важные: во-первыхъ, *современники*, лично знавшіе Петра въ молодости, не говорятъ о томъ ни слова; молчитъ даже Крекшинъ, столь щедрый на выдумки, въ своей Исторіи: очевидно, онъ не слыхалъ о водобоязни Петра до того времени, когда Голиковъ, прочитавъ переводъ Штраленберга, разсказалъ ему о такой чудной странности великаго Царя. Тутъ началъ клясться и божиться Новогородскій *баснословецъ* (какъ называетъ его Татищевъ), что это сущая правда. Почтенному дѣписателю показалось однакожь невѣроятнымъ, чтобы его *Ирой* могъ перепугаться шумомъ воды 5 или даже 6 лѣтъ (какъ говоритъ Штраленбергъ въ другомъ мѣстѣ, стр. 24) и отнесъ происшествіе къ 3 году возраста, а шумъ воды замѣнилъ крикомъ матери, и послѣдующіе Историки повторили слова Голикова. Слѣдовательно единственный авторитетъ въ этомъ случаѣ— Штраленбергъ. Но можно ли вѣрить ему на слово, когда мы знаемъ изъ донесеній Татищева (Кабинет. дѣла, Отд. II. кн. 81), что онъ готовъ былъ представить событія совсѣмъ въ другомъ видѣ, если бы только Петръ согласился принять посвященіе его книги и послать ему подарокъ? Во-вторыхъ: какимъ образомъ согласить эту ребяческую водобоязнь въ Петрѣ до 14-лѣтняго возраста, съ тою неодолимою страстію къ морю, которая обнаружилась въ немъ чрезъ два года потомъ? Скорѣе надобно предположить, что вода была любимою стихіею съ дѣтства его. Думаютъ, что онъ переломилъ себя силою своей воли, и находятъ въ тотъ новую черту величія: Исторія его такъ обильна дѣлами и свойствами истинно-великими, что прикрасы ему не нужны. b) Въ извѣстіяхъ Историковъ о времени обрѣтенія ботика цѣлыя *пять* лѣтъ разности. Крекшинъ относитъ это происшествіе къ 1686 году и разсказываетъ по числамъ, какъ будто имѣлъ въ рукахъ подробный журналъ, о первоначальномъ плаваніи Петра: «11 Сентября (1686 года), говоритъ онъ, ботикъ спущенъ Бравтомъ на воду; 14 Сентября катался на немъ впервые самъ Государь по Яузѣ; 15 Сентября изволилъ гулять же и рулемъ и парусами дѣйствовать; 18 Сентября опять гулялъ и усмотрѣлъ, что ботъ лучше дѣйствіе являлъ; 25 Сентября отправился въ Тропи-

кій монастырь, оттуда на Переяславское озеро. Зимою Брантъ соорудилъ тамъ фрегатъ и яхту, которые спущены на воду весною 1687 года, между тѣмъ построили и дворецъ для пріѣзда Царской Фамиліи на берегу озера. 31 Іюля прибылъ туда Петръ съ Царицею-матерью, съ Царемъ-братомъ, съ Патріархомъ, Архіереями, и 1 Августа по освященіи воды пустился по озеру на фрегатахъ, съ пушечною пальбою». (Записки Крекшина въ Сказ. Русск. народа, 67—69). Что Крекшинъ относилъ обрѣтеніе ботика къ 1686 году, а спускъ *кораблей* на Переяславскомъ озерѣ къ 1687, свидѣтельствуетъ не только ясно выставленный въ рукописи его (хран. въ Госуд. Арх.) годъ, но и самая послѣдовательность разсказа: послѣ того онъ говоритъ о заключеніи вѣчнаго мира съ Польшею и о первомъ Крымскомъ походѣ. Какъ не повѣрить ему, при такой очетливости повѣствованія, по днямъ, чуть не по часамъ? И все это безсовѣстная выдумка! 1 Августа 1687 года, когда Крекшинъ находилъ Петра торжественно, съ пушечною пальбою, плавающимъ на *фрегатахъ* по озеру Переяславскому, Царь былъ въ селѣ Преображенскомъ, какъ отмѣчено въ Уставѣ Московскихъ Патріарховъ: «Архимандритъ Чудовскій отпущенъ къ Царю Петру въ Преображенское на воду». (Древ. Рос. Вив. X. 408). Голиковъ, за нимъ Полевой и многіе другіе, не понявъ выписки Миллера изъ Гордонова журнала (Туманс. Запис. VII. 313), отнесли обрѣтеніе ботика къ 1691 году. Вопросъ разрѣшается легко и положительно: самъ Петръ свидѣтельствуетъ, — а чье свидѣтельство можетъ быть въ настоящемъ случаѣ достовѣрнѣе? — что онъ увидѣлъ ботъ *спустя нѣсколько времени* по возвращеніи Князя Долгорукаго изъ Франціи съ астролябіею, слѣдовательно никакъ не ранѣе послѣднихъ чиселъ Мая или первыхъ чиселъ Іюня 1688 года, и не позже, потому, что 20 *Апрѣля* 1689 *года* Петръ уже писалъ къ Царицѣ-матери изъ Переяславля о скорой *отдѣлкѣ* судовъ. (См. выше). Приготовленія къ постройкѣ ихъ требовали, безъ сомнѣнія, не мало времени, и потому ботикъ, по всей вѣроятности, найденъ Петромъ лѣтомъ 1688 года. См. еще слѣдующее примѣчаніе. c) Никто, разумѣется, лучше Петра не могъ судить, какой работы былъ ботъ

—Англійской, Голландской или Московской? Онъ свидѣтельствуетъ, что ботъ былъ Англійскій и принадлежалъ дѣду его Никитѣ Ивановичу Романову. Еще ясньѣе и обстоятельнѣе разсказано происхожденіе бота въ любопытной надписи къ эстампу его, гравированному при жизни Петра. (Экземпляръ этого эстампа, отпечатанный на атласѣ и по всей вѣроятностости поднесенный Государю въ 1723 году, переданъ въ 1848 году изъ бывшаго Кабинета Петра Великаго при Академіи Наукъ въ Императорскій Музей). Тамъ сказано: «Судно сіе водное, хотя мѣрою малое, и только къ потѣшному на водахъ играніе построенное, но потомъ явилося аки плодоносное сѣмя великаго въ Россіи корабельнаго флота, и вину подало слѣдовавшимъ преславнымъ дѣламъ таковымъ случаемъ, или паче Божіимъ смотрѣніемъ: Державнѣйшій Государь Петръ Великій Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, еще въ началѣ царствованія своего, пришедъ въ нѣкоторое время въ Измайловъ, и гуляя по анбарамъ, гдѣ лежали остатки вещей дому дѣда его Никиты Ивановича Романова, увидѣлъ между оными судно сіе; и понеже было иностранное и въ Россіи невидаемое, спросилъ о употребленіи и дѣйствіи его у искуснаго нѣкоего при себѣ бывшаго иноземца. Отъ отвѣта же его увѣдавъ, что дивно на парусахъ ходитъ, великую возымѣлъ охоту употребить онаго къ плаванію. И такъ первѣе самого судна сего ходу на рѣкѣ Лузѣ отвѣдавъ, скоро на озерѣ Переяславскомъ сдѣланными повелѣніемъ Его Величества большими судами любопытство свое лучше исполнилъ, тоей же охоты и на другомъ ширшемъ озерѣ Кубинскомъ, а потомъ и на морѣ Бѣломъ или Архангельскомъ съ радостію употребилъ. Отъ таковыхъ же водоплавныхъ утѣхъ, двигнувся всеприлежнымъ попеченіемъ и къ преполезнѣйшему, а дотоль въ Россіи незнанному дѣлу, самого себе и другихъ при себѣ въ Голландіи и Англіи, какъ къ строенію, такъ и къ плаванію корабельному обучилъ, и великій Россійскій флотъ сдѣлалъ, яковый зрится нынѣ и умножатися не престанетъ; отъ чего Россія усугубленную силу возъимѣвши, многія преславныя получила викторіи, расширила предѣлы своя, врата себѣ къ сообщенію честныхъ народовъ отверз-

ла, и благополучія своя благословенным миромъ укрѣпила. Сильна и славна, отселѣ и врагамъ страшна. Тако сіе малое судно, яко доброе сѣмя, было премногой намъ пользы; и того ради достойно суще и вѣдомо, и видимо быти на хартіи сей изображено показуется. Нарицается же судно сіе *ботъ Англинскій:* ботъ, по виду своему между суднами, Англинскій же по дѣлу и мѣрѣ Англинской архитектуры. На желаніе бо вышепомянутаго дѣда Императорскаго Величества мужа въ Россіи къ честнымъ искусствамъ, надъ тогдашній обычай, быстроохотнаго (*), судно сіе въ Англіи сдѣлано, и оттуда въ Москву привезено». Послѣ такихъ положительныхъ свидѣтельствъ не о чемъ бы, кажется, и спорить. Бытописатели перепначили все дѣло: Веберъ говоритъ, что ботъ присланъ былъ въ подарокъ Царю Іоанну Васильевичу (Das veränderte Russland, II. 93), а Миллеръ и Голиковъ увѣряютъ, что его построилъ Брантъ при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ (Зап. Туман. VII. 313 и Дѣянія I, 240). За Миллеромъ и Голиковымъ повторили то же самое Полевой, Бергманъ, Схельтема (**), и Брантъ, вопреки свидѣтельству Петра, прославленъ строителемъ «Дѣдушки Русскаго флота». Не упоминаю о множествѣ другихъ ошибокъ: напримѣръ Шграленбергъ говоритъ, что Бранта отыскалъ и представилъ Царю La Fort (266), а по словамъ Полеваго,

(*) Олеарій, лично знавшій Никиту Ивановича, говоритъ, что онъ очень жаловалъ иноземцевъ, любилъ Нѣмецкую музыку, даже иностранную одежду, и выѣзжая на охоту наряжался въ Нѣмецкій кафтанъ, къ немалому неудовольствію Патріарха. (Ad Olearii auszfuhrliche Beschreibung der Reyse nach Muscow. Изд. 1671, стр. 184).

(**) Послѣдній, болѣе другихъ отчетливый въ своемъ сочиненіи Rusland en de Nederlanden, II. 55, ссылается на Кокса, который, по словамъ его, нашелъ о томъ свидѣтельство у Гордона. Но Коксъ въ приведенномъ Схельтемою мѣстѣ (III. 39) говоритъ не *о старомъ ботѣ*, а *о новой яхтѣ*, построенной Брантомъ и спущенной на Москву рѣку въ 1691 году и ссылается на Гордона: такъ дѣйствительно записано и въ журналѣ его подъ 14 Марта 1691, только ни слова не сказано о Брантѣ: потому что яхту строилъ самъ Царь.

на него указалъ лекарь Тирмондъ (236) и т. п. d) Замѣтимъ ошибку самого Петра, въ которую ввелъ его, кажется, Брантъ. Царь называетъ его (въ Предисловіи къ Морскому Уставу, изд. 1720. стр. 30) карабельнымъ плотникомъ и *констапелемъ*. Изъ Актовъ Главнаго Архива (Приказныя дѣла старыхъ лѣтъ, св. 219) видно, что Брантъ находился при строеніи перваго Русскаго корабля въ 1668 году въ званіи *блочнаго подмастерья*; какое званіе имѣлъ онъ во время плаванія на томъ же кораблѣ въ Астрахань, неизвѣстно; но констапелемъ— т. е. артиллерійскимъ Офицеромъ, въ вѣдѣніи коего состоятъ на кораблѣ орудія, быть онъ не могъ. Эту должность исправлялъ Cornelis de Fries, какъ несомнительно свидѣтельствуетъ Страусъ, находившійся на томъ же кораблѣ въ званіи паруснаго мастера и оставившій любопытное и правдивое описаніе плаванія корабля по Волгѣ и бунта Стеньки Разина. (Ioh. Iansz. Straussens denkwürdige Reysen, aus dem Hollandischen übersetzt; Amsterd. 1678. p. 64). Констапелемъ называетъ того же Cornelis de Fries и Капитанъ корабля Давидъ Бутлеръ, въ письмѣ своемъ изъ Испагани, куда онъ спасся отъ Стеньки Разина (См. это письмо въ концѣ сочиненія Страуса p. 222). Оба они, т. е Страусъ и Бутлеръ, неоднократно упоминаютъ о Брантѣ, какъ о простомъ *матросѣ*. Правда, онъ названъ у нихъ не Карштенъ Брантъ, а Christian Brand; но очевидно, это одно и то же лице, какъ явствуетъ наиболѣе изъ того обстоятельства, что, по словамъ Страуса, Кристіанъ Брандъ вмѣстѣ съ Людовикомъ Фабриціемъ, при содѣйствіи лекаря Іоанна *Термунда* (о которомъ упоминаетъ и Петръ) былъ выкупленъ изъ плѣна на Кавказѣ (p. 159). Надобно думать, что Брантъ выдалъ себя по возвращеніи въ Россію за констапеля, безъ всякаго на то права. Спасеніемъ жизни своей въ Астрахани, по свидѣтельству Бутлера (p. 216) онъ обязанъ сходству съ Персіянами, которыхъ сообщники Разина вообще щадили.

11) Гордонъ 30 Іюня 1688 года записалъ: The Tzaar Peter Al. went to Prebrasinsky in order to his progress to the monastery of the Holy Trinity. Проѣхалъ ли Петръ тогда же къ Переяславлю-Залѣсскому, Гордонъ не упоми-

наетъ; но, по всей вѣроятности, онъ былъ тамъ, какъ самъ говоритъ, *тайно*. Другой поѣздки Гордонъ не замѣтилъ; а не замѣтить было не льзя: потому что записалъ же онъ путешествіе Петра въ Савинъ-Сторожевскій монастырь въ Ноябрѣ мѣсяцѣ того же года, равно какъ и возвращеніе его оттуда прямо въ Преображенское.

12) Фамилія Лопухиныхъ давно уже пользовалась особеннымъ благорасположеніемъ Царицы Наталіи Кирилловны: когда, по случаю крещенія Петра (29 Іюня 1672 года), былъ столъ въ Грановитой палатѣ для властей, Царевичей, Бояръ, Окольничихъ и Думныхъ людей, а Царица угощала у себя въ своихъ покояхъ, самыхъ ближнихъ— отца и Матвѣева, за поставцомъ въ ея хоромахъ сидѣлъ Думный Дворянинъ Аврамъ Никитичь Лопухинъ. Онъ былъ дѣдъ Евдокіи Ѳеодоровны. Отецъ ея, *Иларіонъ* Аврамовичь, сталъ называться *Ѳеодоромъ* послѣ бракосочетанія дочери его съ Царемъ; такъ точно былъ переименованъ, по свидѣтельству Гордона (10 Генваря 1684 года), и отецъ супруги Царя Іоанна Алексіевича *Александръ* Салтыковъ въ Ѳеодоры. Родъ Лопухиныхъ былъ не изъ знатныхъ. Свадьбу Петра отпраздновали очень скромно; онъ вѣнчался даже не въ Благовѣщенскомъ соборѣ, а въ небольшой придворной церкви, Свв. Апостолъ Петра и Павла. Священнодѣйствовалъ духовникъ его, Протопопъ Меркурій. Древ. Рос. Вивл. XI. 194.

13) Этотъ Кортъ былъ, вѣроятно, тотъ самый Ротмистръ F. Kort, который посланъ изъ Кіева въ Москву, по свидѣтельству Гордона, 15 Ноября 1684 года, съ планами украшеній. Въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ теперь нѣтъ и слѣдовъ корабельной верфи, гдѣ трудился Петръ Великій. Вѣроятнымъ указаніемъ ея мѣста обязанъ я Штатному Смотрителю Переяславскихъ Училищъ А. Е. Ильинскому. «Переяславскіе старожилы»—пишетъ онъ ко мнѣ—«помнятъ еще существовавшіе близъ церкви Знаменія Пресвятыя Богородицы, именуемой «что при корабляхъ», деревянные сараи, въ которыхъ хранились вытащенные изъ воды суда флотиліи Петра Великаго. Мнѣ кажется, проименованіе этой церкви «при корабляхъ», произошло не отъ сохранявшихся

остатковъ кораблей, а отъ первоначальнаго тутъ ихъ построенія. Это доказывается слѣдующимъ: противъ сей церкви въ рѣкѣ Трубежѣ есть группой наколоченныя сваи — что́ даже препятствуетъ рыболовамъ закидывать сѣти. Если предположить, что на сваяхъ устроенъ былъ наплавной мостъ, то онѣ наколочены были бы прямо поперегъ рѣки; притомъ же рѣка здѣсь мелка, но широка, а ниже и до самаго устья глубока, слѣдовательно способна къ спуску кораблей. Бывшій Рыбацкій сельный голова, старикъ Петръ Ѳедоровъ, умершій въ 1848 году, говаривалъ мнѣ, что именно на этомъ мѣстѣ строились корабли на столбахъ, которые, по совершеніи работы, подпиливали, и корабль Трубежемъ отплывалъ въ озеро. Другаго мѣста, удобнаго для постройки судовъ, какъ при Трубежѣ, такъ и при озерѣ нѣтъ: потому что озеро ограничено почти со всѣхъ сторонъ отмелью, простирающеюся отъ берега болѣе, чѣмъ на 100 саженъ».

Можно бы предположить, что верфь находилась за селомъ Весько́вымъ, противъ того мѣста, гдѣ стоялъ дворецъ: потому что саженъ на сто отъ берега наколочены также сваи, сначала изрѣдка, а далѣе сплошь, какъ будто стѣной, на глубинѣ около 3 саженъ; за послѣднимъ же рядомъ свай глубина доходитъ до 5 саженъ. Но, по всей вѣроятности, здѣсь была *пристань*. По крайней мѣрѣ изъ царскаго письма отъ 31 Декабря 1697 года къ Князю Ѳ. Ю. Рамадановскому очевидно, что зимою суда стояли въ Трубежѣ у Переяславля-Залѣсскаго; тамъ ихъ чинили; тамъ, безъ сомнѣнія, и строили. Повелѣвая построенный въ Переяславлѣ мастеромъ Класомъ корабль весною 1698 года провести чрезъ Вёксу, Сумино и Нерль въ Волгу, Государь совѣтуетъ приступить къ дѣлу въ концѣ зимы; для того пробить ледъ и поставить корабль при истокѣ Вёксы, прежде чѣмъ она вскроется. «Еще же и для того пристойно зимою весть, пишетъ Государь, понеже *отъ города Переславля въ озеро*, также и изъ озера въ Вексу проходы зѣло мелки».

2007110194